В ОДНОЙ ТУРБИНЕ — ДНЕПРОГЭС.

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 4 ЯНВАРЬ 1985

В НОМЕРЕ:

Продолжение романа Юрия Бондарева «ИГРА».

Президент Академии художеств СССР Борис Угаров — «О КАРТИНЕ...».

Здесь помогают новорожденным — фотоочерк «СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ».

Ты молодец,
Алеша!

Алеша Хохлов (слева) и Валерик Яценков: жизнь продолжается.

ВОЗМУЖАНИЕ

Борис СМИРНОВ,
фото Дмитрия ДЕБАБОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Трагедия уже почти случилась, и та нить, на которой держалась жизнь, была не толще волоска. Почти случилась... Смерть шла за малышом по пятам, и все же я не могу, не хочу и не буду утверждать, что только случай избавил мальчика от ее холодной хватки.

Эту короткую историю недавно рассказали несколько газет. Но, знакомясь с фактами, вдруг замечаешь, что в ней слишком много случайностей. Случайно, возвращаясь домой из музыкальной школы, первоклассник брянской школы № 51 Валерик Яценков проехал свою остановку и сошел с троллейбуса у моста через Десну. Случайно, стоя у незамерзшей воды, он увидел проплывавшую рядом льдину и решил доплыть на ней до маленького островка. Он не знал, как коварен и тонок лед на реке, и произошло неизбежное: льдина разломалась, а мальчик как был с нотной папкой в

До этого места (отмечено крестиком) плыл Валерик среди льдин...

руке, так и ушел под воду. Может быть, Валерик кричал, но в реве машин на мосту никто крика не слышал.

Именно здесь в цепь роковых случайностей вторглась закономерность, но совсем другого рода, и мы, прервав охи и ахи, должны принять во внимание целый ряд немаловажных обстоятельств.

Дети, к несчастью, довольно часто падают в воду — так было во все времена. Но если лед на реке остался столь же опасным, то дети в наше время ведут себя иначе. Первое — Валерик умеет плавать. Он в столь ужасный момент не растерялся, не наглотался воды, а тут же вынырнул — даже очки на себе поправил. И постарался залезть на льдину. Но льдина, как он сам говорит, его скинула, и тогда он поплыл со своей нотной папочкой на руке. Не зашелся в истерике, не колотил по воде руками, а всеми своими крохотными силенками боролся за жизнь. Течением его пронесло по длинной полынье около ста метров. Минут пятнадцать в ледяной воде...

Что же происходит дальше? Дальше на берегу Десны появляется шестиклассник школы № 6 Алексей Хохлов. Что делал этот по-взрослому обстоятельный, очень независимый паренек на заснеженном берегу Десны, мы особо обсуждать не будем, потому что в этом возрасте человек имеет право на собственные тайны, на самостоятельные исследования и опыты, в которых взрослые люди, честно говоря, мало что смыслят. Бабушка Алеши вспоминает, что он в тот день мастерил себе палку с железным наконечником — видимо, для апробации прочности льда; мне Алексей после долгих колебаний сознался, что хотел поискать брода на тот самый островок у берега... Короче, дело не в этом, а в том, что Алеша случайно оказался на берегу реки. И эта случайность в нашем рассказе, пожалуй, последняя.

Дорогие наши мальчишки.

Мы стоим у Десны на том самом месте. Слева, метрах в ста, темнеет громада бетонного моста. В пору моего детства, когда мост был еще деревянным, в городе его почему-то называли Черным мостом, а река здесь славилась гибельными омутами... Прямо напротив нас, на том берегу Десны, навечно застыл на постаменте танк с номером 242 на башне в память о тех танках, что в сентябре сорок третьего мощным ударом выбили из Брянска оккупантов. «Залезал на танк?» — спрашиваю я у Алеши, и он невозмутимо отвечает, глядя мне прямо в глаза: «Залезал». «А люки пробовал открывать?» «Да они заварены». В голосе Алеши нотки уважения к взрослым, которым на этот раз удалось его перехитрить.

— Ну, ладно, расскажи, как ты утопающего увидел. Где он был?

— Вон там,— показал рукой в сторону острова.— Сначала думал, мяч плывет.

— А потом?

— Потом вижу: барахтается.

— И что ты подумал?

— Подумал, что рыба большая...

Он просто не любит лишних слов. Говорят, нынешняя молодежь инфантильна, а характер этого мальчика уже тверд и в словах, и в деле. Давайте признаемся — кто из нас, взрослых, не потеряет голову, когда увидит перед собой в полынье тонущего ребенка? Алеша видел, что плывущий то и дело исчезает под водой, как поплавок. Тогда он побежал по берегу туда, куда направлялось течение, и пополз по прибрежному льду. Рассчитал точно — утопающий оказался рядом. «Давай руку!» — кричал Алеша, но тот не реагировал. Попытался схватить — промахнулся; отчаянно дернувшись, сам касаясь воды, Алеша еще раз рванул руку вперед — и пальцы впились в одежду. Теперь назад, ползком к берегу, уже вдвоем...

Мальчик — Алеша увидел, кого спас,— мальчик лежал на спине неподвижно, губы и веки его чуть подрагивали. И снова Алеша все сделал правильно: осторожно сводя и разводя руки малыша, он искусственно вызывал его дыхание. Но руки малыша вдруг задеревенели, на губах показалась розовая пена... Снова наступил, как говорят летчики, момент принятия решений. Самому не спасти, это ясно: до дороги, сквозь кусты, не дотащить — тяжело и скользко, а время дорого,— и Алеша бросился за помощью.

Он ворвался в ближайший дом, увидел старушку. Та, не поняв и половины Алешиных слов, запричитала, замахала руками... Нет, здесь помощи ждать нечего. Рядом шоссе, там люди... Топая набухшими водой сапогами, Алеша снова бежит вперед. Вот дорога, плотный поток машин. Никто не обращает внимания на мальчика, стоящего с поднятой рукой...

— У нас такая поездка называется «проверка службы» — ну, обычная патрульная поездка,— рассказывает инспектор Брянской госавтоинспекции сержант Михаил Полторухо.— Рядом со мной сидел наш замполит, капитан Биченков. Около 15.30 подъезжали к мосту через Десну, вдруг вижу — пацан голосует. Я притормозил, он бросился к машине: «Дяденька, там мальчик утонул, лежит на берегу...» Тут все завертелось. Парня в кабину, я на ходу включаю сирену и маячок, Виктор Дмитриевич по рации сообщает в ГАИ и вызывает «Скорую»... Все в секунды. Кажется, бросили машину на дороге, не заглушив, с раскрытыми дверцами, сирена и маячок работают, а мы уже на берегу. Вижу, лежит маленький такой, в очках, кровь на губах... Я все как автомат делал, разволновался, даже испугался...

— Да, в такие ситуации с детьми нам еще не доводилось попадать, и впечатление было очень сильное,— продолжает рассказ В. Д. Биченков.— Полторухо — опытный инспектор, шесть лет в ГАИ, а тут слезы у него из глаз катились... Еще помню: нотная папка меня удивила и то, что такой малыш оказался очень тяжелым, когда на руках нес его к машине... Вот сюда, на заднее сиденье, его положили — и к дороге. Навстречу лейтенант Ерзиков на патрульной «Волге» — он издали заметил наш маячок. Перекрыл шоссе, чтобы наша машина быстрее прошла,— и тут кто-то из нас, не помню уж кто, заметил среди остановившихся машин «Скорую помощь». Вытащили ее из потока — оказывается, это не та, что мы вызывали, а проходящая. Все равно врачи стали мальчиком заниматься, а тут и вызванная нами «Скорая» появилась... Время не засекал, но прошло не более десяти минут. Краем глаза успел заметить, что спаситель, паренек этот самый, когда пришла «Скорая», повернулся — и ходу... Я за ним. Подожди, кричу, как фамилия, где учишься? Еле успел записать. Надо же, каким скромным герой оказался...

Бабушка Алеши Хохлова, Мария Ивановна:

— Вижу, он домой какой-то не в себе прибежал. Что, спрашиваю, ты мокрый, провалился небось? Смотри, зальешься когда-нибудь! А он отвечает: нет, бабушка, не провалился, а мальчика вытащил. Стала расспрашивать, а он ничего не говорит. Кликнула его отца, Михаила. Тот прикрикнул: «Кого еще там вытащил? Добегаешься у меня!» Алешенька и ушел куда-то, наверное, кролика кормить...

Так, можно сказать, закончилась эта история для Алеши Хохлова. А «Скорая» с Валериком Яценковым тем временем под эскортом ГАИ домчалась до городской детской больницы № 1. Еще на борту машины врач Валерий Борисович Гладченков принял все необходимые меры, в больнице к приему пострадавшего в отделении реанимации все уже было готово...

Врач Анна Анатольевна Погонченкова:

— Когда нам сообщили о происшествии, я даже не думала, что мальчик еще жив. Столько времени в ледяной воде... Через восемь минут после сообщения приняли пострадавшего. Мальчик был

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 4 (30001)

19—26 ЯНВАРЯ

без сознания, температура тела 34,2, дыхание редкое. Я понимала — случай тяжелый, а для меня особенно, ведь я только год как после института. Стали разогревать мальчика, очистили желудок, в общем, делали все, что положено, но я все-таки вызвала заведующего отделением Владимира Николаевича Евстегнеева: такой необычный случай.

В. Евстегнеев:

— Да, мне тоже ни разу не приходилось встречаться с таким случаем зимой. Летом — другое дело. Конечно, от холода произошло сужение дыхательного горла, но и парень молодец: в дыхательные пути вода почти не попала. Через четыре часа пришел в сознание. Знаете, какими были первые его слова? «Буду ли я жить?» У нас в этом сомнений не было. Утром, смотрим, сам встал с кровати. Через сутки передали его в терапевтическое отделение, там несколько дней за ним понаблюдали — и домой. Никаких простуд, воспалений.

— А может, последствия нервного потрясения, шока?..

— Никаких последствий! Очень активный, любопытный мальчик...

Вот так благополучно — теперь уже для всех — завершилась эта история. Как и должна была завершиться... Вот Алеша Хохлов — мальчик из обычной семьи электрика, «середнячок» в школе, никогда и ничем вроде бы не выделявшийся,— в трудную минуту он проявил не только твердость духа и настойчивость, но и подлинный героизм, не будем бояться этого слова. И как не сказать доброго слова его родителям и воспитателям его школы за то, что растят они настоящего человека! На высоте оказались и работники ГАИ, и больничные врачи, и служба «Скорой помощи», которые, надо признать, безукоризненно четко выполнили свой долг. Этот случай стал как бы социальным срезом нашего времени, маленьким экзаменом, сданным всеми на «отлично».

...Вместе с капитаном Биченковым и Алешей Хохловым мы навестили Валерика дома (с согласия его мамы, Татьяны Николаевны). Конечно, мама, сама едва оправившись от пережитого, все еще считает мальчика больным, но мы, далекие от медицины люди, болезненности в нем просто не заметили. Валерик вроде того же мнения, что и мы. Во всяком случае, руку старался пожать крепко, по-мужски. Оказалось, хочет стать моряком, воды по-прежнему не боится, летом собирается нырять, учить плавать маму и старшую сестру. Он уже считает себя взрослым — недаром, отправляясь осенью впервые в школу, мальчик сам раздарил все свои детские игрушки соседям. Делает по утрам гимнастику, с увлечением занимается скрипкой. «Ну, Валерик, что ты нам сыграешь?» Мальчик деловито достал из футляра крохотную скрипку — «четвертинку», натер канифолью смычок: «Я помню наизусть «Перепелочку», «Пешехода»... «О, «Пешехода» — это прекрасно, давай с него начнем!» — весело оживился капитан Биченков, и всем нам было так хорошо и приятно в этот момент, словно никаких трагических часов никогда и в помине не было. Валерик приладил инструмент и потянул мелодию детской песенки. Алеша, пристроившись за его спиной, с интересом смотрел, как маленькие пальцы прижимают нужные струны. Такие разные, такие похожие, такие близкие всем нам мальчишки!

И вновь назвали...

Старинная башня замка Гедиминаса. Стою на самом верху и с высоты любуюсь древним и молодым Вильнюсом. Рядом со мной один из его жителей — человек, страстно влюбленный в свой город, в свою Литву,— Ромуальдас-Альгирдас Мацкявичюс. Это имя знакомо многим. Почти десять лет Ромуальдас — депутат, сначала дважды избирался в Октябрьский районный Совет города, теперь — в Верховном Совете Литвы. Высокое доверие оправдывает с честью. И потому товарищи по труду, рабочие Вильнюсского завода радиоизмерительных приборов имени 60-летия Октября, вновь назвали его своим кандидатом в депутаты высшего государственного органа власти республики.

Словно в огромной чаше лежит перед нами Вильнюс. Ромуальдас одинаково хорошо знает его сегодняшний день и историю, а ей, судя по камню на этой самой площади, почти шесть веков. Когда-то в древности великий литовский князь Гедиминас, охотясь здесь, прилег отдохнуть и увидел во сне железного волка. Проснувшись, спросил прорицателей, что бы это могло значить. Если построишь на этом месте крепость, она будет непобедима, ответили волхвы. И князь ее выстроил. Теперь оборонительные стены полуразрушены, а башня стоит до сих пор цела и невредима. Такова легенда, рассказанная мне Ромуальдасом.

За рекой Нярис высится Дворец спорта — современное здание из стекла и бетона, прямо за ним трибуны стадиона «Жальгирис», а сбоку закутанный в клубы дыма плавательный бассейн. Светятся огни реклам магазинов, гостиниц, театров и кино, спешит народ в музеи, на выставки. Все дальше выплескивается из чаши Вильнюс, раздвигаются границы города, растут жилые массивы — Шишкиня, Жирмунай, Вершулишкас, Юстинишкес...

В республиканском музее этнографии стоят керамические горшочки, жбаны, кувшины, свистульки, которые сделал отец Ромуальдаса Ремигюс Миклович. Он известный народный умелец Литвы. Ромуальдас, родившийся в семье потомственных гончаров, может вылепить и обжечь кувшин. Но сердце свое отдал металлу. В свои пятнадцать лет со сверстниками поехал учиться в Клайпедское ремесленное училище, которое готовило рабочих-судостроителей. Распределили его на Крайний Север. Помнит Ромуальдас, как получил первую зарплату — 1300 рублей старыми деньгами, денег таких никогда в руках не держал и почти все отослал матери...

Потом была армия, а когда пришла пора расставаться со службой, потянуло в родные места, и Ромуальдас вернулся в Мажейкяй к родителям. Немного поработал на электротехническом заводе, успел стать ударником, но тут встретилась ему на пути «самая лучшая девушка» Люся, он женился и уехал со своей избранницей в Вильнюс.

Живут Мацкявичюсы в просторной двухкомнатной квартире. Здесь всегда светло и по-домашнему уютно. Люся — отличная хозяйка. У старшей дочери Лолиты предсессионные заботы, она студентка второго курса Вильнюсского пединститута. А у семиклассницы Лаймы каникулы. Только что ушел от них соседский парень. Вернулся со службы, собирается поступать в институт, подзабыл английский, а Лайма учится в спецшколе и дает ему уроки. Отпустила «ученика» и теперь с подружкой Анечкой собирается в цирк.

В этой семье вроде каждый сам по себе, но все важные события обсуждают сообща. Особо отмечают праздники. Инициатива всегда за отцом.

— Папа у нас выдумщик,— говорит Лайма.— Накрыли на стол, ждем Новый год, а он в последний час утащил нас к елке на площадь. Там вовсю шло веселье. Народу собралось много.

Супруги Кристина и Иван Валюкевичи пришли посоветоваться к депутату Ромуальдасу Мацкявичюсу.

Фото В. Сальмре

Под бой курантов шампанского выпили, потанцевали, затем к себе гостей пригласили с папиной работы. Его друзья тоже решили встречать Новый год у самой большой елки города. Уже потом выяснилось, что они заранее так договорились, а для нас это было сюрпризом.

— Любит Ромуальдас пошутить,— вступает в разговор Люся.— Этот год по восточному календарю — год быка, а муж и наша младшая, Лайма, родились под его знаком, так что мы с Лолитой у них весь год будем под пятой...

С шутки начался наш разговор и в инструментальном цехе, где работает Мацкявичюс. Товарищи по бригаде и в шутку, и всерьез обращались к своему депутату с просьбами. И надеялись, что он непременно их удовлетворит, ведь по гороскопу 1985 год — год счастливый для всех. Бригадир Зенонас Клименсович Абаравичюс «просил» о «Жигулях», которые никак не может приобрести, а Володе Гусарову нужна квартира побольше. Ромуальдас в свое время помог получить ему комнату, а у Володи появилась семья — тесновато.

Мацкявичюс показал мне депутатскую переписку. Разные вопросы приходится решать. «Самое приятное, когда в состоянии человеку помочь,— говорит Ромуальдас.— Правда, ко мне, как к депутату, не всегда обращаются с просьбой, нередко, особенно молодежь, заходят просто посоветоваться. А кроме того, высказывают много разных пожеланий».

Мацкявичюс любит людей, любит делать им добро, и они платят своему депутату взаимностью.

— Если бы все так хорошо относились к делу, как Ромуальдас, работать было бы намного легче,— сказал секретарь парторганизации цеха Георгий Васильевич Слюнков.— Что ему ни поручи, проверять за ним не надо.

Двадцать лет слесарит в цехе Ромуальдас. Воспитал двенадцать учеников. И сам постоянно учится. Технологический техникум окончил без отрыва от производства. Замечательный пропагандист. Знает все, чем живут ныне завод, город, республика, страна, что где строится сегодня и что будут строить завтра.

Есть у него еще одна нелегкая обязанность. Мацкявичюс — председатель общественного отдела кадров. И здесь проявляется его удивительная человечность.

— Он очень доброжелателен, умеет как-то по-особому подойти к людям, убедить, посоветовать. Глядишь, рабочий, что уходить собирался, послушал Ромуальдаса и даже сам других отговаривает,— отметил заместитель секретаря парткома завода Борис Ефремович Кулебакин.

Много внимания уделяет депутат молодежи. Он непременный участник смотров, диспутов, праздников посвящения в рабочие.

— Счастливы ли вы, Ромуальдас? — спросила я его.

— А в чем оно, счастье? — вопросом на вопрос ответил он.— Помню, в семнадцать лет купил себе за собственноручно заработанные деньги новые брюки и был безмерно счастлив. Помню, как радовались подаркам мои родители, когда я приехал домой с Севера в свой первый отпуск, и тоже был счастлив... А как повезло мне, что любимая девушка согласилась быть моей женой — разве это не счастье?.. Стал членом партии, получил орден Трудового Красного Знамени, потом орден Октябрьской Революции, и в сердце такая большая радость... Меня избрали депутатом, был делегатом XVIII съезда Компартии Литвы, недавно стал лауреатом премии советских профсоюзов...

...Любит Ромуальдас в свободные часы посидеть за книгой. В доме большая библиотека. В душе он поэт и художник, изучает памятники старины, хорошо знает живопись современных литовских художников. Уважение, интерес к творчеству идут от отца.

Отпуск вся семья проводит в Швентойи, чудесном местечке на тихой лесистой речке вблизи моря. Там заводская база отдыха. Приезжают все вместе. «И еще дедушку с бабушкой всегда приглашаем,— говорит Лолита,— папа без них дня прожить не может, каждый день звонит, как они там в Мажейкяе».

З. КРЯКВИНА

ТАК ДОЛЖНО БЫТЬ

Наш взгляд

Владимир НИКОЛАЕВ

Итак, в Женеве достигнута в принципе договоренность о проведении переговоров по ядерным и космическим вооружениям. Таков итог встречи между членом Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР, министром иностранных дел СССР А. А. Громыко и государственным секретарем США Дж. Шульцем. Дата начала переговоров и место их проведения будут согласованы по дипломатическим каналам в течение месяца.

Чего мы ждем от предстоящих переговоров? В послании К. У. Черненко сопредседателям консультативной встречи представителей христианских церквей доктору Э. Поусту (США) и доктору К. Тоту (Венгрия) говорится: «Советский Союз придает большое значение достижению договоренности с Соединенными Штатами Америки по всему комплексу вопросов, охватывающему как немилитаризацию космоса, так и ядерные вооружения. Назрела необходимость принять срочные и действенные меры по недопущению дальнейшей дестабилизации стратегической обстановки, по предотвращению новых витков гонки вооружений.

В этой связи хотел бы подчеркнуть, что наш подход к переговорам зиждется на том, что они должны быть честными и деловыми. Не обман партнера и общественного мнения должны быть целью переговоров — с такой моралью мы согласиться не можем,— а поиск взаимоприемлемых решений, которые отвечали бы интересам мира».

Предотвращение ядерного конфликта, ограничение и сокращение космических и ядерных вооружений, их ликвидация полностью и повсюду — дело первостепенной важности из всех человеческих дел. На этом пути в 70-е годы уже были сделаны первые шаги, они нашли отражение в таких, например, документах, как «Основы взаимоотношений между СССР и США», Соглашение о предотвращении ядерной войны, Соглашение о научно-техническом сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии, «Основы принципов переговоров о дальнейшем ограничении стратегических наступательных вооружений».

В 70-е годы в качестве корреспондента мне довелось быть свидетелем советско-американских встреч на высшем уровне, присутствовать при подписании документов, направленных на устранение ядерной угрозы и на развитие сотрудничества между СССР и США. Сегодня я листаю старые записные книжки и уже пожелтевшие от времени страницы очерков тех лет и вспоминаю, например, в какой необычайно приподнятой атмосфере было подписано Соглашение между СССР и США о предотвращении ядерной войны. Это произошло в Вашингтоне, в Восточном зале Белого дома, 22 июня 1973 года. Совпадение в датах было, конечно, случайным, но глубоко символическим. В тот же день, но только в 1941 году началась Великая Отечественная война, закончившаяся разгромом немецкого фашизма. Так завершилась вторая мировая война. Третьей быть не должно! В связи с развитием и совершенствованием ядерного оружия она может привести человечество к катастрофе.

В 1979 году Советский Союз и Соединенные Штаты сделали еще один важный шаг по пути сокращения ядерных вооружений: в Вене был подписан Договор ОСВ-2. Не наша вина, что он не был ратифицирован Соединенными Штатами. В 70-е годы успешно развивалась торговля между СССР и США, американские и советские ученые активно сотрудничали в трех важных сферах современной медицины: в области сердечно-сосудистых заболеваний, злокачественных опухолей, охраны окружающей среды. Совместная работа советских и американских космонавтов вылилась в исторический космический полет по программе «Союз — Аполлон». В те годы активно сотрудничали между собой советские и американские физики, а также представители многих других областей науки. Мне тогда довелось немало поездить в США по объектам, где вместе плодотворно работали советские и американские специалисты. Записи тех лет актуально звучат и сегодня. Не раз встречался я с одним из крупных американских бизнесменов, президентом и управляющим компании «Пепсико» Доналдом Кендаллом. «Налицо огромные неиспользованные возможности,— говорил он мне,— в налаживании американо-советской торговли. Развитие таких связей — это не просто бизнес, но и политика, помогающая улучшать отношения между нашими странами». То же самое можно сказать и о других сферах советско-американского сотрудничества. Журнал американских ученых-атомщиков «Буллетин оф атомик сайентистс» писал о работе американских и советских физиков на ускорителе в Батавии, неподалеку от Чикаго: «Вклад советских ученых в совместное американо-советское предприятие оказался весьма значительным».

Так было. Так должно быть. К сожалению, в США есть люди, которым это не ясно. Р. Перл, один из тех, кто пытается влиять на американскую политику в духе милитаризма и антисоветизма, утверждает: «Я не согласен с тем, что мы и русские можем уладить наши разногласия, уменьшить их до рамок договорных ограничений, заключать соглашения и договоры, а затем полагаться на их соблюдение». Куда может привести такая логика? Уж никак не к ослаблению международной напряженности. Остается надеяться на то, что не подобные взгляды, а трезвый, разумный подход возобладает в политике Вашингтона.

Перед отлетом из Женевы А. А. Громыко отметил, что сделан «известный шаг в налаживании диалога между двумя странами», а в своей недавней беседе с политическими обозревателями он заявил: «Нужно, чтобы каждый шаг двух держав — не только Советского Союза, но и Соединенных Штатов Америки — в вопросах, касающихся вооружений, разоружения, приближал эту цель — исключение, полное исключение ядерного оружия из арсенала вооружений».

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

РЕВОЛЮЦИЮ НЕ ЗАСТАТЬ ВРАСПЛОХ

В здании Никарагуанского комитета мира, как и везде в эти дни, под потолком подвешены гирлянды и блестящие игрушки. На улице — плюс 30 по Цельсию.

— Новый, 1985 год вряд ли принесет изменения в политике Вашингтона по отношению к нашей стране,— считает команданте Ольга Авилес, президент Никарагуанского комитета мира, легендарная «номер 15» той самой героической группы сандинистов, что в рождественскую ночь 1974 года захватила именитых сомосовских министров и дипломатов. Это позволило освободить из застенков диктатуры многих руководителей никарагуанской антиимпериалистической революции.

— Угроза прямой агрессии США против нас все возрастает,— продолжает она.— Практически со дня победы революции наш народ — жертва преступлений, творимых наемниками ЦРУ. Свобода, суверенитет, народная демократия — все эти понятия, так неразрывно связанные с новой Никарагуа, совершенно неприемлемы для Белого дома в его политике в Центральной Америке.

Январь для Никарагуа — это напряженная уборка кофе, сахарного тростника, хлопка, основных зерновых культур. Большую часть урожая этих продуктов дают северные департаменты страны, и понятно, почему именно здесь так активизировались «контрас» и возросло число погибших крестьян, сожженных кооперативов, участились случаи порчи посевов.

— Нам нужен мир.— Команданте Авилес подходит к большой карте страны.— Здесь,— показывает она на районы, граничащие с Гондурасом,— аграрная реформа дала тысячам крестьян землю в безвозмездное пользование. И вместе с документами на право владения ею им вручили стрелковое оружие и запас патронов. Мужчины в составе резервных батальонов преследуют бандитов, а в их родных местах, в отрытых траншеях с оружием в руках дежурят их жены, матери и дочери. Женщины и поля обрабатывают тоже с автоматами за спиной.

Наша революция крепнет с каждым днем. Начал свою работу первый парламент страны, избранный на подлинно свободных, демократических выборах. Недавно был приведен к присяге первый президент революционной республики Даниэль Ортега.

Никарагуанцы,— заключает команданте Авилес,— хорошо знают, кто их настоящие друзья. СССР, другие страны социалистического содружества всегда с нами в самое трудное для нас время. Огромное спасибо вашему народу за эту поддержку и помощь.

...На раскаленных солнцем тротуарах Манагуа безлюдно. Лишь на примыкающем к зданию Никарагуанского комитета мира пустыре молодые парни роют окопы,— революцию не застать врасплох.

Владимир ПАРАМОНОВ,
соб. корр. АПН,
специально для «Огонька»

Манагуа.

Первый секретарь ЦК Компартии Кубы, Председатель Государственного совета и Совета Министров республики Фидель Кастро, прибывший в Никарагуа на торжественную церемонию приведения к присяге первого президента революционной Никарагуа Даниэля Ортега Сааведра, награжден высшей наградой Никарагуа — орденом Аугусто Сесара Сандино за большой вклад в мировое революционное движение.

На снимке: Фидель Кастро и Даниэль Ортега Сааведра во время встречи в аэропорту Манагуа.
Телефото Пренса Латина — ТАСС.

Джеймс ОЛДРИДЖ,
английский писатель

ТЫСЯЧА И ОДИН МИФ

С первых дней существования молодой Советской республики противники социализма не покладая рук сочиняют всевозможные мифы, которые представляют собой злобную ложь о Советской стране.

Первый миф на эту тему, который мне довелось услышать еще много лет назад, был о том, что большевики якобы хотят взорвать земной шар. В ту пору я видел в западных газетах множество карикатур с изображением бородатого большевика в армяке, прячущего за спиной огромную бомбу. И многие тогда верили в эти выдумки.

Молодая Советская Россия переживала голод и разруху. На Западе утверждали, будто это обычное состояние советского общества. Позднее противники социализма заявляли, что экономика СССР разрушена, пятилетние планы провалились, электрификация не удалась, народ голодает.

Но жизнь из года в год опровергала все эти выдумки. Советская страна росла и крепла. Подвиг знаменитого советского летчика Валерия Чкалова, совершившего беспосадочный перелет из СССР в США через Северный полюс, вызвал восхищение во всем мире. Но и этот подвиг на Западе пытались оболгать. В английском журнале «Эйрплейн» сообщалось, что Чкалов якобы где-то тайно совершал посадки, поскольку на советских самолетах невозможно осуществить подобный перелет.

До сих пор распространяются мифы вокруг победы советского народа во второй мировой войне. Вспоминаю смехотворные заявления одного американского генерала, который всерьез утверждал, что Красная Армия разбила немцев под Сталинградом не благодаря своей хорошей технической оснащенности и высокой боеспособности, а потому, что у нее было больше лошадей, чем у немцев. В Каире мне как-то довелось слушать лекцию известного английского генерала. Выступая перед молодыми египетскими офицерами, он заявил, что Красная Армия выиграла-де знаменитую битву на Курской дуге, крупнейшее танковое сражение второй мировой войны, совершенно случайно.

Не увядает миф о большевике, прячущем бомбу за спиной. На Западе по-прежнему пугают людей угрозой миру, исходящей от СССР. Однако вся история Советской страны доказывает, что она всегда выступает за мир, постоянно выдвигает мирные инициативы, предпринимает односторонние шаги в пользу разоружения, отстаивает разрядку, стремится к развитию международного сотрудничества. Но на языке западных мифотворцев все это — «советская пропаганда».

Учительница из СССР, посетившая недавно Англию, была буквально потрясена, когда при обсуждении проблемы борьбы за мир английский школьник обвинил Советский Союз в том, что он... сбросил атомную бомбу на Хиросиму.

Пятнадцать лет назад в составе британской делегации я был в Тбилиси на научном конгрессе. Среди нас был известный английский ученый, прекрасно владевший грузинским языком, считавший себя знатоком Грузии. И этот человек был потрясен тем, что увидел там. Для него было открытием, что в Тбилиси великолепные здания, современные автомобили и широкие магистрали, залитые электрическим светом. Даже на этого культурного и образованного человека оказали влияние злобные антисоветские мифы, культивируемые на Западе.

И сегодня мне нередко приходится встречаться с моими соотечественниками, которые, впервые попав в Советский Союз, искренне поражаются тем, что они здесь видят, поскольку до того были в плену у тех же антисоветских небылиц.

И, наконец, еще один распространенный на Западе миф: советские люди-де ничего не знают о западной культуре, не представляют себе западного образа жизни, не читают западной литературы и т. д. Но и эта ложь легко опровергается.

Недавно в Англии проводилась выставка книг английских авторов, переведенных в Советском Союзе на русский и другие языки народов Советской страны. Здесь и классика, и книги современных авторов. Поражают тиражи изданий, то, насколько хорошо советские люди осведомлены о жизни Англии. Они читают о нас значительно больше, чем мы о них.

В западных странах есть общества дружбы с СССР, активисты которых делают все, чтобы развеять антисоветские мифы, чтобы люди узнали правду об этой стране.

Но злобные выдумки антисоветчиков рождаются каждый день. И каждый день, разворачивая газету, я наталкиваюсь на очередную новую ложь или подновленную старую. Однако сама жизнь постоянно опровергает их. И все больше людей на Западе видят и понимают это.

Лондон.

Владимир Константинович КОККИНАКИ

7 января 1985 года в Москве на 81-м году жизни после тяжелой продолжительной болезни скончался дважды Герой Советского Союза, лауреат Ленинской премии, заслуженный летчик-испытатель СССР, генерал-майор авиации в отставке, член КПСС с 1938 года Владимир Константинович Коккинаки.

В. К. Коккинаки родился 25 июня 1904 года в г. Новороссийске в семье рабочего. С двенадцатилетнего возраста он начал трудовую деятельность, был рабочим, грузчиком, матросом, а в 1925 году призван в Красную Армию и после окончания школы летчиков служил в строевых частях ВВС.

С 1935 года и до последних дней жизни В. К. Коккинаки работал в конструкторском бюро, возглавлявшемся С. В. Ильюшиным. Здесь им были проведены работы, выдвинувшие его в число лучших летчиков-испытателей страны. Под руководством и с участием В. К. Коккинаки осуществлен ряд дальних групповых и одиночных перелетов, в том числе беспосадочные полеты из Москвы во Владивосток и через Атлантический океан в Америку. Им установлено 14 мировых рекордов высоты и скорости полета, проведены летные испытания широко известных самолетов-штурмовиков ИЛ-2, ИЛ-10 и дальних бомбардировщиков ИЛ-4.

В годы Великой Отечественной войны, являясь главным инспектором Наркомата авиационной промышленности по качеству, В. К. Коккинаки провел большую работу по совершенствованию летных и боевых качеств новых самолетов.

В послевоенные годы В. К. Коккинаки проведены испытания ряда новых самолетов, в том числе пассажирских самолетов ИЛ-18 и ИЛ-62. Всего за годы работы он испытал более 70 типов опытных самолетов.

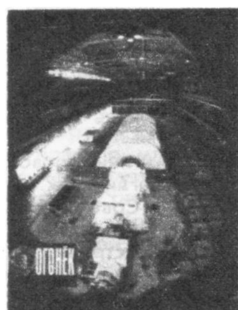
Наряду с основной деятельностью В. К. Коккинаки вел большую общественную работу. Он был депутатом Верховного Совета СССР двух созывов, в течение ряда лет являлся президентом Международной федерации авиационного спорта и до последних дней жизни был почетным президентом этой организации. Он много внимания уделял воспитанию и росту летного мастерства молодых летчиков-испытателей авиационной промышленности.

За выдающиеся заслуги в испытаниях новых самолетов В. К. Коккинаки был дважды удостоен звания Героя Советского Союза, награжден шестью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны I и II степени, четырьмя орденами Красной Звезды, многими медалями, являлся лауреатом Ленинской премии и заслуженным летчиком-испытателем СССР.

Светлая память о В. К. Коккинаки, верном сыне Коммунистической партии и советского народа, выдающемся летчике-испытателе нашей страны, навсегда останется в сердцах советских людей.

К. У. Черненко, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, Г. В. Романов, Н. А. Тихонов, М. В. Зимянин, Л. В. Смирнов, И. Ф. Дмитриев, Н. И. Савинкин, И. С. Силаев, Б. П. Бугаев, С. Л. Соколов, А. А. Епишев, А. И. Колдунов, А. Н. Ефимов, В. М. Шабанов, Н. С. Строев, В. В. Козлов, А. С. Сысцов, А. В. Болбот, Г. М. Егоров, Г. В. Новожилов, А. А. Туполев, П. Д. Грушин, Р. А. Беляков, А. С. Яковлев, Г. П. Свищев, Н. Д. Кузнецов, А. И. Покрышкин, М. М. Громов, Г. Ф. Байдуков, Г. Т. Береговой, В. Т. Иванов, Г. К. Альбов, В. И. Жданов, В. С. Ильюшин, А. В. Шапошников.

В ОДНОЙ ТУРБИНЕ — ДНЕПРОГЭС

На Украине сейчас строятся — а некоторые уже и действуют — семь атомных электростанций. Прошли те времена, когда пуск очередного блока вытеснял с первых полос газет многие другие сообщения.

Два года назад на Южно-Украинской АЭС спокойно и по-деловому был запущен энергоблок, где впервые мощность в миллион киловатт обеспечивается одной турбиной. За два года один агрегат выработал столько электроэнергии, что для ее производства на тепловой станции надо было бы сжечь больше четырех миллионов тонн угля.

А в декабре минувшего года вступил в строй еще один атомный гигант — на Запорожской АЭС. Конечно, каждый миллионник настолько грандиозное сооружение, что в нем десятки технических решений применяются впервые. Есть они и в запорожском великане, но главная новинка в том, что сходит-то он... боязно сказать — с конвейера!

Энергодар вырос на приднепровских песках, рядом с Запорожской тепловой электростанцией. Здесь же почти рядом стали возводить и атомную электростанцию. База прекрасная, кадры опытные — вот и решили строить все четыре миллионника первой очереди АЭС поточным методом. Только что закончили строительство первого блока, а на подходе уже второй, высокая строительная готовность и у третьего, ведутся работы на четвертом... Чем не конвейер!

А вдумайтесь: один такой блок вырабатывает электроэнергии больше, чем Днепрогэс! Но это нисколько не уменьшает славы нашего первенца индустриализации — воистину прародителя богатырей-миллионников.

С. КАЛИНИЧЕВ,
собкор «Огонька»

БИЛЕТ

ПОМНИТ МИР

СПАСЕННЫЙ!

В ответ на ваше обращение посылаю сохранившиеся у меня фотографии. Хочу сердечно поблагодарить за внимание к нам, ветеранам.

Войну я начал рядовым в декабре 1941 года на Ленинградском фронте, а закончил в Берлине.

Помню, как в ночь на 16 апреля политработники зачитали обращение Военного Совета к воинам 1-го Белорусского фронта: «Славой наших побед, потом и своей кровью завоевали мы право штурмовать Берлин и первыми войти в него, первыми произнести грозные слова сурового приговора нашего народа фашистским захватчикам... Вперед на Берлин!»

Ночь перед наступлением показалась очень длинной. Сон не шел. Ровно в пять утра по московскому времени мы откры-

Гвардии лейтенант Иван Мороз (справа) с наводчиком орудия. Снимок сделан в мае сорок пятого под Берлином.

Железнодорожный билет от Берлина до Курган-Тюбе, по которому И. Мороз вернулся домой после войны.

ОТ БЕРЛИНА

ли беглый огонь, началась артподготовка.

На пути к аэродрому Темпельхоф мы форсировали канал Тельтов. Мост через канал был взорван и серединой осел в воду, но можно было пройти, только огонь фашистских пулеметов и снайперов преграждал путь. Под прикрытием нашего огня одна штурмовая группа бросилась через мост, другие спустились на воду, где было несколько лодок, и с пулеметом переправились на тот берег.

Бои за аэродром Темпельхоф носили крайне ожесточенный характер. Это было единственное для фашистов в Берлине окно в воздух. Пока гвардейцы окружали аэродром, мы держали под артиллерийским огнем взлетное поле. К полудню 26 апреля весь аэропорт был в наших руках.

Вокруг еще шел бой, а на взлетное поле, несмотря на зенитный огонь, приземлилась первая пара наших истребителей. Их обстреляли вражеские минометы. Мы засекли минометную батарею и своим огнем заставили ее замолчать.

Потом мы подошли к Ландверканалу, за которым находился Анхальтский железнодорожный вокзал. Мы выкатили орудия на открытую позицию и прямой наводкой подавили огневые точки врага. Через мост двинулась пехота и за ней наши орудия.

Последние схватки были жестокими и кровопролитными. Они отличались небывалым массовым героизмом советских воинов.

Утром 2 мая мы вышли на улицу Унтер ден Линден к Бранденбургским воротам, недалеко от разбитого рейхстага, где уже было много наших войск. Здесь мы официально услышали о капитуляции Берлинского гарнизона. Появились гармошки, солдаты и офицеры пели и плясали. А вечером в городе возник стихийный салют. Стреляли из пушек, винтовок, автоматов, ракетниц. Так мы отмечали взятие Берлина!

А через несколько дней в лесу под Берлином я услышал по радио голос Левитана. Он говорил о победоносном завершении войны.

В августе 1946 года после демобилизации я вернулся домой по воинскому билету от станции Берлин-Силезский до станции Курган-Тюбе. Тогда я вспомнил, что еще в начале войны на Ленинградском фронте мне врезался в память плакат. На нем была изображена дорога, прислонившийся к столбу красноармеец перематывал обмотки. Рядом надпись: «Твой путь домой через Берлин». В то трагическое время, когда враг неистово напирал, рвался к Москве, даже представить было трудно, что это осуществимо... Я тот билет храню как реликвию. Ибо, пройдя всю войну, домой вернулся именно так, как предвещал тот оптимист на фронтовом плакате в Синявинских болотах. Посылаю в «Огонек» фотографию билета от Берлина до Курган-Тюбе.

Мой ратный труд на войне отмечен орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалями «За взятие Берлина» и «За победу над Германией».

В мирные годы Родина наградила меня орденами Ленина, Октябрьской Революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медалями. Присвоили мне звание заслуженного работника сельского хозяйства Казахской ССР.

Гвардии старший лейтенант в отставке Иван МОРОЗ
Джетысай Казахской ССР

ВОИНСКИЙ БИЛЕТ №718369

для проезда по жел. дор. с последующим централизованным расчётом или за наличный расчёт

р. к. (ненужное зачеркивается)

Для проезда ... вагоне

От станции ст. Берлин Силезский

До станции Курган-Тюбе

Через передаточные пункты

Число едущих один (прописью)

Срок годности ... суток (прописью)

Выдан по «требованию» формы НКО

№ 148778

1-я тип. НКПС.

Комиссар в опере Холминова «Оптимистическая трагедия».
Фото Е. Умнова

АКТРИСА, КОТОРУЮ ЗНАЮТ ВСЕ

Юная Ирина Архипова, окончив в Москве в послевоенные годы институт, должна была стать архитектором. Однако удивительное меццо-сопрано, голос редкостной красоты и силы властно переменил ее судьбу.

Окончившая теперь еще и Московскую консерваторию, певица начала блестяще свою артистическую карьеру в Свердловске. И очень скоро вернулась в родную Москву, где ее ждала сцена Большого театра...

Коммунистка, неутомимый общественный деятель, человек высоких гражданских принципов, Ирина Константиновна Архипова, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, народная артистка СССР, предстает ныне как один из признанных корифеев искусства сцены и искусства музыки. Искусств, обоюдно требующих от исполнителя большой внутренней силы и высочайшей культуры.

Сценические образы, создаваемые Архиповой, покоряют глубиной нравственной убежденности, душевным, глубоко осознанным отношением к Человеку, Женщине, Героине. Это всегда очень разные образы. Но они непременно наполнены тем особым мироощущением советского человека, патриота, борца, которое Архипова несет в себе самой естественно и непринужденно. А потому и прекрасно.

Среди обширнейшего репертуара певицы особенно запоминаются, хоть и живут на сцене разно, Кармен, Марфа и еще Комиссар. Натуры волевые, страстные...

— Все эти тридцать лет, что я служу искусству,— говорит Ирина Константиновна,— я неизменно сознаю главное: весь свой опыт, все знания да всю себя я отдавала и буду отдавать нашей талантливой молодежи, народу, стране...

Н. ТОЛЧЕНОВА

Фото Д. ДЕБАБОВА.

В ПОДПОЛЬЕ

В 1923 году в Москве в дом № 55 по Лесной улице явилась комиссия. Она приехала искать в помещениях первого этажа... подпольную типографию! Члены комиссии спустились в подвал, там оказался полузасыпанный колодец для стока грунтовых вод. Колодец раскопали и примерно в 70 сантиметрах от дна нашли плотно закрытую дверцу, за которой находился заложенный землею лаз. Укреплявшие его когда-то доски почти полностью сгнили от сырости. Пришлось вскрывать земляной пол. И вот в стене подвала обнаружено отверстие, а за ним маленькое подземелье (4,5 кубического метра), стены и потолок которого укреплены деревянными стойками. Тут и помещалась одна из крупнейших нелегальных типографий ЦК РСДРП, работавшая в период первой российской революции под прикрытием магазина «Оптовая торговля кавказскими фруктами Каландадзе». В ходе раскопок было найдено немного типографского шрифта, металлический реал, бабашки, пачка слежавшейся бумаги формата листовок, а еще колокольчик, висевший над входной дверью...

В 1924 году здесь открылся филиал Музея Революции СССР — музей «Подпольная типография ЦК РСДРП 1905—1906 годов».

Как и во время первой российской революции, фасад бывшего дома купца Колупаева на Лесной украшает сегодня вывеска «Оптовая торговля кавказскими фруктами Каландадзе», а посетителей встречает звон дверного колокольчика. В ларях разложены образцы товаров, на прилавке — конторка, амбарная книга, счеты. За прилавком — люк, через который и попадаем в подвал, где расположен склад магазина. Здесь полностью воссоздана обстановка подпольной типографии — тигельная печатная машина «американка», две наборные кассы, бочка с краской.

В этом подземелье в тяжелейших условиях вершили свой революционный подвиг четверо молодых подпольщиков: Г. Ф. Стуруа, С. Я. Тодрия, У. С. Джаши, А. И. Яшвили — наборщики и печатники подпольной типографии, в открытой посторонним взорам жизни магазина выполнявшие роль приказчиков.

Вот как описывает типографию в своих воспоминаниях секретарь транспортно-технического бюро ЦК РСДРП, одна из заведующих подпольной типографией на Лесной, Е. Д. Соколова: «Опираясь руками в дощатый пол этого темного рукава (лаза.— А. Б.), я проползла в типографию. Встала на ноги... Поднимаю руку. Рука немного не достает до потолка. Передо мной печатная машина «американка». Справа, в правом углу, наборная касса. Один человек может стоять у машины, другой — за кассой: все помещение занято без остатка. Сыро. Дышать сразу же трудно. Через четверть часа начинается сильное сердцебиение и шум в ушах. Кислорода не хватало...

После этого посещения мне стало понятно, почему работавшие там по очереди Сандро, Сила, Георгий (партийные клички подпольщиков.— А.Б.) выходили наверх с серовато-зелеными лицами и набухшими под глазами мешками. Некоторое время лежали пластом на кровати... Можно лишь удивляться, что весь этот подземный коллектив, несмотря на невероятные трудности своей работы, ни разу не пожаловался, не проявил ни недовольства, ни сомнений в необходимости и важности этой работы. У всех всегда было одно желание: сделать быстро, лучше, к сроку».

В то же самое время наверху, в жилой части магазина, проходила вполне обычная жизнь. Хозяин магазина С. Д. Кобидзе, исполнявший роль доверенного лица М. И. Каландадзе, вместе с женой и маленькой дочерью изображали из себя солидную купеческую семью. Жилая часть магазина состояла из комнаты хозяина и кухни, в которых теперь воссоздана обстановка, типичная для московского быта начала века.

За год работы в магазине сменилось две служанки. Их роль выполняли доверенные члены РСДРП М. Ф. Икрянистова (Труба) и Е. С. Денисова-Балашова (Странница), работницы из Иваново-Вознесенска. Икрянистова и Денисова были депутатами первого в России Ивановского Совета.

В окрестностях магазина располагались крупные полицейские учреждения — Московская конвойная полицейская команда, 2-й участок Сущевской полицейской части, Бутырская тюрьма. Хозяин магазина очень умело общался с полицией, а полицейского, будка которого располагалась поблизости, даже нанял для охраны магазина от воров. Служанки часто гуляли вокруг дома с маленькой дочерью хозяина, также наблюдая за полицией. Вся внешняя жизнь магазина была направлена на то, чтобы как можно лучше работала подпольная типография.

В августе 1905 года в типографии на Лесной был отпечатан первый номер газеты «Рабочий», начинающийся программным заявлением: «Старая Россия умирает, рождается новая Россия...» Главной задачей газеты было «...вносить объединение и сознательность в рабочий класс, а через него и во всю народную массу». В газете печатал свои знаменитые «Письма к рабочим» А. М. Горький. Он же оказывал материальную помощь типографии; за его счет покупались бумага, краска, производились транспортные операции. Связь типографии с ЦК партии осуществляли Т. Т. Енукидзе, С. Я. Тодрия, А. И. Яшвили.

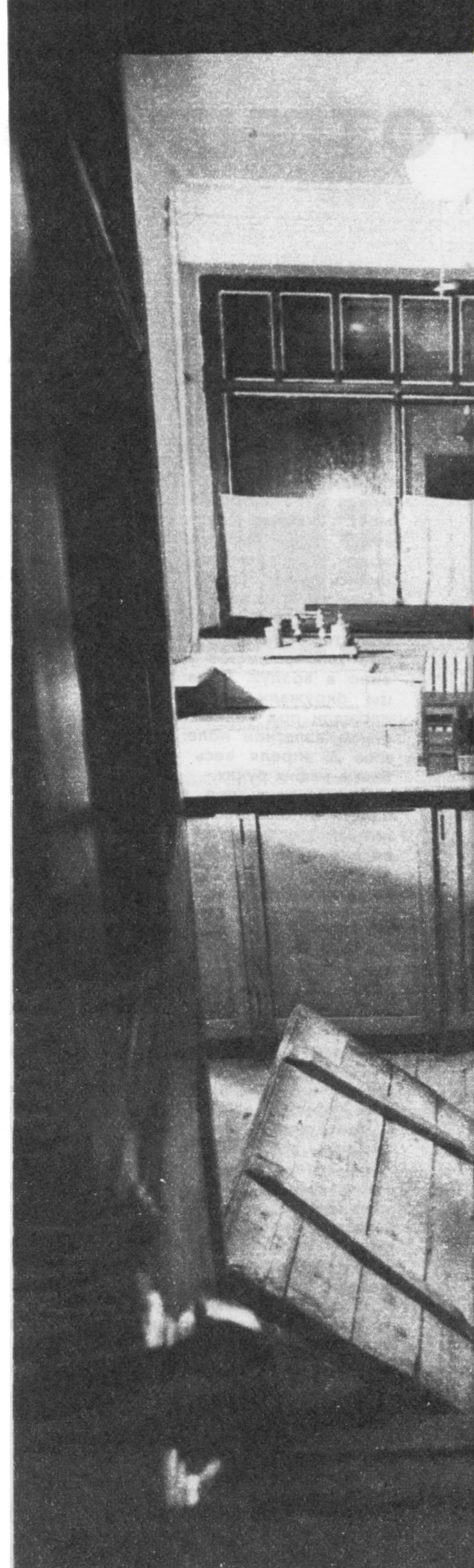
Высокую оценку газете дал В. И. Ленин. Он писал: «Получил... первый номер «Рабочего». Он производит превосходное впечатление. Можно надеяться, что трудная задача нескучного популярного изложения будет им в значительной степени решена... Прекрасный боевой дух».

Кроме четырех номеров «Рабочего», в типографии на Лесной были отпечатаны: первый номер газеты «Партийные известия» со статьей В. И. Ленина «Современное положение России и тактика рабочей партии», № 4 «Социал-демократического рабочего листка» (газета МК РСДРП) и многочисленные листовки.

Условия работы в подпольной типографии, как уже говорилось, были очень тяжелыми. Поэтому, когда появилась некоторая возможность печатать легально необходимую в партийной работе литературу, в июле 1906 года типография на Лесной была ликвидирована. Печатная техника передана в типографию Московского комитета РСДРП, находившуюся во внешнем проезде Рождественского бульвара, дом № 23.

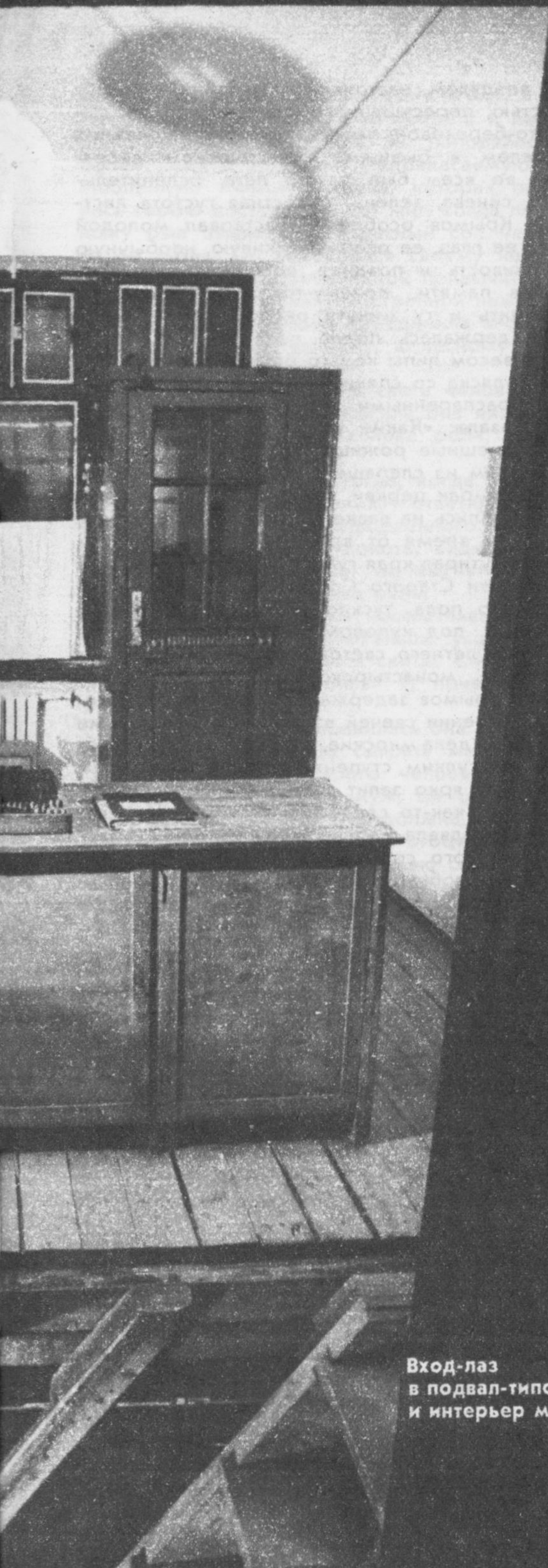
Сегодняшняя жизнь музея весьма интенсивна. Два года назад закончились крупные реставрационные работы. Верхние этажи дома купца Колупаева превращены в музейные залы. В них впервые в нашей стране развернута экспозиция по истории партийно-советской печати со времени ее основания до наших дней. Посетители могут не только ознакомиться с экспозицией, но и сами отпечатать на «американке» листовку периода первой русской революции. Сотрудники музея много внимания уделяют лекционной работе, они частые гости московских и подмосковных заводов, предприятий, школ.

А. БУТОРОВ, лектор-экскурсовод музея «Подпольная типография ЦК РСДРП 1905—1906 годов», филиала Музея Революции СССР

Первый номер газеты «Рабочий».

Вход-лаз
в подвал-типографию
и интерьер магазина.

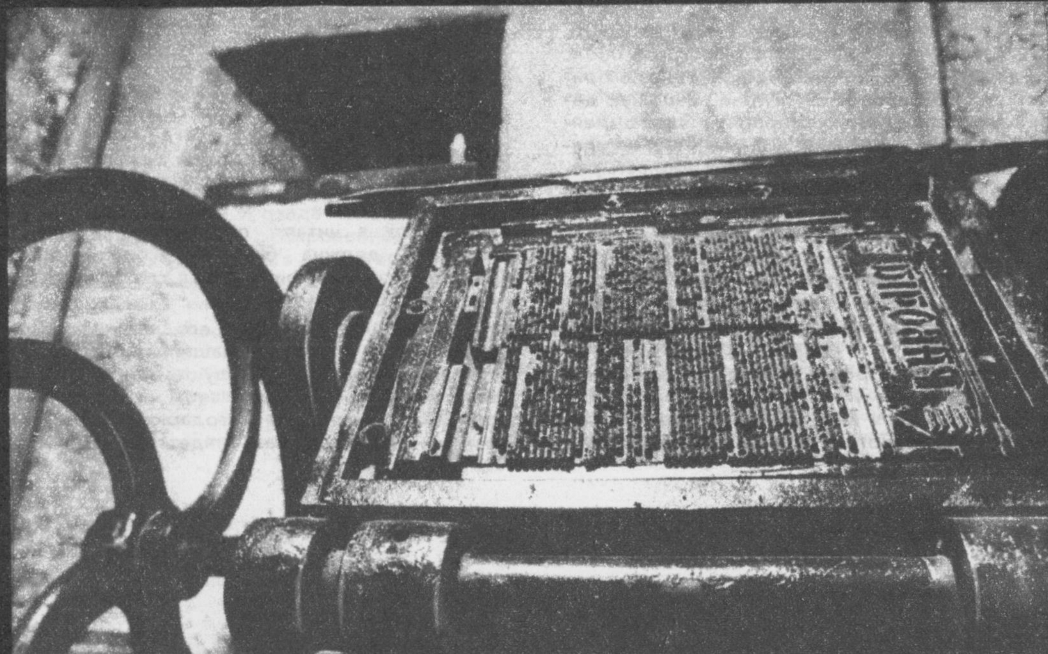

В филиале Музея Революции СССР.

С. Я. Тодрия — один из подпольщиков.

Печатная машина «американка» с набором газеты «Рабочий» № 1.

Дом на Лесной улице в Москве, в котором работала подпольная типография ЦК РСДРП.

Игра

Юрий БОНДАРЕВ

РОМАН

Рисунки Е. БОНДАРЕВОЙ, А. УСТИНОВИЧА

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

А тот летний день под Москвой был не совсем раскрытой тайной и для него.

Перед старым мостком, сделанным из шатких жердей, неспособным выдержать «Волгу», шофер остановил машину, и отсюда, с берега, стали видны вдали низкие купола и белые стены Старого Спаса. Сначала они пошли тропкой мимо зарослей орешника, потом через зеленеющее кукурузное поле до опушки рощи, куда подымался горячий на взгорке древний проселок, должно быть, помнивший лапти калик перехожих, покорную поступь молчаливых монахов, прикосновения босых ног разувшихся в пути дальних богомольцев, хозяйственную припечатку купеческих сапог, и танец сапожек деревенских красавиц, и смиренную притомленность грешниц, ходивших сюда из Москвы спасать душу. И Крымов, подходя к монастырю, вообразил пекущий июньский день, потные прекрасные лбы этих столичных грешниц, скромно опущенные ресницы, серо запыленные в покаянной дороге юбки, увидел до того реально, точно вчера сидел вот здесь, в тени придорожного вяза, на пахнущей влагой земле, слушая сонный плеск ручья под бугорком.

Проселок через рощу привел к невысокому храму, окруженному полуразрушенной стеной. Над разросшимися липами жарко горел в глубокой синеве золотой крест, и вместе с теплым воздухом, настоянным цветочной горьковатостью пересушенного сена, наносило сыровато-березовой плесенью дров, уложенных штабелем в бывшем монастырском дворе.

Да, во всем был разгар лета, ослепительность, синева, зелень, радостная густота листвы, и Крымов особенно чувствовал молодой блеск ее глаз, ее особенно живую, необычную отзывчивость и позднее, восстанавливая весь день в памяти, почему-то хотел подробно вспомнить и ту минуту около церкви, когда она задержалась подле паперти, где стояла под навесом липы кем-то оставленная тут детская коляска со спящими младенцами-близнецами, распаренными зноем (кажется, тогда она сказала: «Какие у них чудесные носики, какие смешные рожицы!»), а он спустился по ступенькам из слепящего полдня в холодноватый полумрак церкви, где две старухи в платках шептались на лавке у стены, клоня головы, молясь и время от времени по-деревенски опрятно утирая края губ.

В церкви Старого Спаса веяло студеностью каменного пола, тускло отблескивали фрески на стенах, под куполом, и было слышно, как в тишине летнего светоносного блаженства на заросшем монастырском дворе ворковали голуби. Крымов задержался у иконы богоматери, в озарении свечей взирающей неземными глазами на дела мирские, но, заслышав стук каблуков по гулким ступеням, обернулся. Проем входа был ярко залит солнцем полного июньского дня, как-то сладостно ощутимого из каменного подвала церкви, и он увидел в проеме неистового солнечного сияния ее фигуру, ее легкую юбку, пронизанную сзади золотистым светом, и древние гранитные ступени, по которым гибко ступала она, чуть покачиваясь. Он заметил, что старухи перестали шептаться, осуждающе повернули в ее сторону головы, а она приблизилась к иконостасу, приветливым взглядом здороваясь с ними. И Крымову стало весело оттого, что старухи осуждали ее молодость, приветливую невинную свободу, открытую этому дню, и взору святых, и скорбящей богоматери, и огонькам свечей. Он увидел поднятые глаза Ирины, отделенные от лица в полутемноте влажным блеском, и, сдерживая легкомысленное желание улыбнуться ей (святотатство в храме), сказал, указывая кивком на икону слева:

— Посмотрите, как по-современному написан лик святого Александра Невского.

— Да, да, удивительно!— сказала она шепотом.

Все было нерушимо и тихо, вверху, под куполом, стонали в любовной истоме голуби, в веерном солнечном свете отсверкивал кафельной плиткой недавно вымытый пол (в углу мирно стояло ведро, на нем сушилась тряпка), благолепные лики святых и раздвинутые царские врата под расписными сводами не угрожали напоминаниями о потерянной вере, о тяжких грехах, о земной тщете, не давили печалью, и по-прежнему было чисто на душе Крымова, и было необыкновенно хорошо чувствовать ясную молодость Ирины в этом старом храме, наполненном воркованием голубей и полевой тишиной.

Минут двадцать спустя вышли из церкви на зеленый холм (остатки городища), где внизу, в широкой впадине, искрилась разбитыми зеркалами река, заставляя представить, какие улицы, какие стены русского города были тут, на острове, замкнутом водой, вблизи монастыря, какие ходили люди вот по такой траве, догоряча обогретой солнцем...

— Ну вот, пожалуйста, полевая гвоздика,— сказала она и легла на холме, ласково погладила ладонью цветы в траве, затем повернулась на спину, говоря слабым голосом: — Вот так бы лежать и все время смотреть в небо. Неужели оно таким было всегда? И когда нас не было, и в пятом веке, и в десятом? Какая все-таки благодать: солнце, тишина, стрижи над колокольней...

— Где-то я читал, поблизости с полевой гвоздикой должна быть и ягода...— сказал Крымов и, засмеявшись, отвел глаза, чтобы не видеть ее коленей.

Он снял пиджак, кинул его на землю, лег рядом, сразу без труда нашел вблизи землянику, крупную, перемлевшую на припеке, сорвал две ягоды со стебельком и протянул их Ирине. Она сказала: «Благодарю, поделим поровну» — и, продолжая глядеть в небо, рас-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—3.

сеянно отъединила губами одну ягоду, а другую вернула ему. Он хотел увидеть и не увидел сок на ее губах, ибо по неподвластным путям памяти вспомнил неприкасаемую возлюбленную Мартина Идена, которая показалась герою доступной в тот миг, когда по-земному был замечен им красный сок черешни на ее губах. Он усмехнулся своему невинному пороку, профессиональной привычке сопоставлений, и его опахнуло странной нежностью к тому, как она губами отъединила ягоду для себя, оставив другую ему, к лесному запаху разомлевшей земляники.

— Скажите, есть ли на свете человек свободный, как ветер? — спросила она низким голосом, будто повторяя слова роли, но этих слов не было у героини.

— Человек счастлив тогда, когда время не имеет для него значения,— ответил Крымов ленивым тоном самовлюбленного героя из сценария и оперся на локоть, видя ее отрешенное от земли лицо, ее выгнутую юную шею, раскинутые на траве руки.

— Значит, мы с вами несчастливы,— сказала она разочарованно.— Раньше уходили спасать душу в монастыри и скиты. Счастливцы...

— Почему несчастливы? И почему счастливцы?

— Я не о том,— поправилась она и нахмурила брови.— Я не смогу сыграть женщину, которая проклинает слабого человека. Не так это надо. Он трус, ее муж, он обманул, но не предал ее и ушел. Она должна жалеть его, современного неудачника и эгоцентриста. Но скажите: есть бог? Я спрашиваю серьезно.

— Есть мировая гармония, по-видимому.

— Тогда почему существует зло? Объясните.

— Дерево растет в высоту. Чего оно хочет? Молнии?

— Конечно, нет...

— Тогда, значит, красоты,— продолжал он с шутливой доказательностью.— Красота помогает подыматься в небо, к непостижимому. Или вернее, она является лестницей, соединяющей землю с небом. А зло врастает в землю.

— Нет.

— Почему?

— Вы говорите — красота. Но что это такое в конце концов? Совершенная греческая красота статуй — скука невероятная. Скучища, тоска. Идеальная классичность — боже, какая мертвечина! Нет, это не безупречность, нет! — договорила она страстно.— Красота — в пластике движения. Вот смотрите...— И она сделала плавный жест кистью и уронила руку на траву.

— Красота — это западня,— сказал он попрежнему шутливо.— Прикоснулся — и она захлопнулась, и нет выхода.

— Чепуха, неправда. Всегда есть выход.

— Из этой западни нет ни у кого. Но я рискованно обобщаю. Здесь спасает реализм и самоирония. И боязнь быть на чужом пиру.

Очнувшись, она перевела на него внимание (и он утонул в зеленой прозрачной глубине, задумчиво устремленной ему в глаза), тронула пальцем его брови, его виски, заговорила с непониманием:

— У вас загорелое лицо, светлые морщинки возле глаз. Я по сравнению с вами дурнушка, а вы действительно можете нравиться женщинам. Но почему вы видите во мне глупую девчонку и говорите со мной, как со школьницей... с ученицей девятого класса? По-моему, вот уже полгода вы меня изучаете как режиссер. Скажите искренне: я действительно бездарная?

— Ирина, отчего вы вдруг?

— Тогда скажите, почему люди так жестоки и недоброжелательны друг к другу?

— Ради чего вы задаете эти вопросы, Ирина?

— Неважно. Почему скромность стала уже как порок?

— Да в чем дело? Я озадачен...

— Почему доброе, сокровенное вызывает насмешливую улыбку? И в то же время поклоняются пошлейшей моде, дурацким джинсам, жуткой музыке, какой-нибудь сиюминутной заграничной звезде...

— С вами что-то случилось?

— Вы ответьте, Вячеслав Андреевич, если не считаете меня глупенькой танцовщицей. Многие считают, что балерины или танцовщицы почти все глупенькие...

— Не все, ясно же,— сказал Крымов, несколько встревоженный переменой ее настроения.— Хотите знать, что я думаю? Мы, Ирина, идеализируем человека, а он еще сознанием до многого не дорос. Однажды я был очень удивлен, когда узнал, что только два с половиной миллиметра серого мыслящего вещества в наших головках... жалких два миллиметра отрывают нас от животного. А все остальные — пять миллиметров — инстинкты, инстинкты.

— Вы снова говорите со мной, как с ребенком, а не серьезно, как я хочу.

— А если совсем серьезно, Ирина, то современному гомо сапиенсу часто не хватает поступка, потому что делать добро всегда трудновато и хлопотно. Говорить друг другу правду — иногда выглядит близко к глупости, иногда даже небезопасно. Поэтому вместо поступка мы привыкли очень легко судить людей. А надо уметь прощать. Ни черта не умеем...

Ирина сорвала травинку, прикусила ее зубами.

— Меня сегодня судили... и очень жестоко,— тихо и, казалось, равнодушно сказала она после молчания.— Утром на студии я услышала разговор около гримерной. Там были актеры, и они...

— Кто?

— Если вы будете спрашивать «кто», я замолчу.

— Простите, Ирина. Так что было около гримерной?

— Я случайно услышала, одна актриса сказала обо мне: «Ее взяли на главную роль, потому что она любовница Крымова. У него губа не дура. Но какая из неудавшейся балерины драматическая актриса?» Я не понимаю, за что они так не любят меня. Что я им сделала плохого? И все-таки — гадость...

— О, завистливые страусихи! — выругался Крымов несдержанно.— Самыми грубыми комплиментами хвалят только бесталанного гения, который не способен соперничать с ними!

— Вы не любите актеров?

Он давно привык к неожиданностям взаимоотношений в актерской среде, к изменчивости симпатий, к холодной вежливости, к приторной доброжелательности соперников, к беззлобному коварству, к едкой ухмылке скепсиса, к преувеличенным крикам счастья и толчее на премьерах, умиленному восторгу, высказанному чересчур успевающему, прославленному коллеге, новоиспеченному кумиру, которого непонятно почему суетливо торопятся поздравить, толкаясь локтями в упоении («Великий! Талантище!»). Он привык к манерной речи наскучивших знаменитостей, к превеселой наглости и изысканной предупредительности его и ее, презирающих и едва терпящих друг друга, но вынужденных по воле режиссера изображать на съемочной площадке влюбленную пару,— привык ко всему тому, что составляло быт, работу актера и его связь с ними, в общем-то людьми незлобными, терпеливыми, покорными, порой наивно доверчивыми, готовыми в минуты аплодисментов на премьере облиться перед экраном слезами над своей и чужой игрой. Крымов знал и то, как губительно их разит яд кулуарных упредительных репутаций, созданных завистливыми языками бывших обойденных кумиров или непризнанных талантов. Он знал и то, что приглашение и утверждение Ирины на главную роль заварит это язвительное зелье, ибо видел, что в дни кинопроб следили за ней всасывающим взором и ассистенты, и осветители, и актеры из других групп, словно бы по ошибке заходившие в павильон. Ее бледное лицо, полувиноватая, полупечальная улыбка, ее стеснительность наталкивались в эти дни либо на неестественную приятность, либо на великолепно сыгранное бесстрастное хладнокровие киноизвестностей, назойливых претенденток на роль главной героини («Возьмите меня, Вячеслав Андреевич, героиня-то моя!»). Но все это, без труда замеченное Крымовым, нисколько не беспокоило его, уже познавшего среду неустанного соперничества и постоянной возни вокруг эфемерной и тем не менее жаждаемой славы: такова, по его мнению, была профессия актера. Однако профессия эта не позволяла перешагивать хоть и зыбкие, но определенные рамки, и отрава ревности прекращалась изливаться на счастливца, едва была утверждена роль, и тут наступало выжидательное молчание, говорившее о том, что время — неподкупный судья и оно раскроет истину, обнажит и выявит всему миру постыдную ошибку постановщика картины, сделавшего капризный выбор, «обеспечившего» неуспех фильму. Обычно Крымов посмеивался над этой безвинной мечтой о возмездии, что обязано настигнуть заблудшего режиссера, но ядовитый разговор актрис, не без цели начатый почти в присутствии Ирины, удивил и разозлил его неуемной женской мстительностью.

— Пожалуй, вы должны были знать, что в искусстве властвуют в определенную пору две царицы,— сказал Крымов с досадой.— Это зависть к чужому успеху и ревность к чужой возможности. И никакие нравственные революции не лишат этих цариц трона. В конце концов побеждает тот, кто умеет работать. Вот и все.

— Работать? Я согласна. Только работать. Но, пожалуйста, посмотрите, как работают ужасные люди. И все в одни сутки. Письмо получила вчера. Сначала не хотела говорить вам... Но кто-то на студии меня терпеть не может. А я была добра со всеми. Я не умею ссориться. За что же они? Ведь у меня горе. Я же восемь месяцев не танцую...

Она села, зубами покусывая травинку, прислонилась лбом к коленям, посидела так в задумчивости, потом, взглянув на Крымова просительно, достала из сумочки помятый конверт, сказала непрочным голосом:

— Вот это. Я была бы не права, если бы не показала. Мне стыдно, что письмо касается и вас.

В конверте лежала записка, состоящая из нечетких и неровных машинописных строк (видимо, человек не часто печатал на машинке), и Крымов прочитал:

«Многоуважаемая Ирина!

Извиняюсь перед Вами, не знаю, как по отчеству.

Ваша доброжелательница хочет предупредить Вас о том, что Вы поступаете, то есть ведете, себя неосторожно, можно сказать, заносчиво и вызывающе. Мало того, что вся студия знает о Вашей бесчестной связи с режиссером Крымовым (он Вам, милая девочка, в отцы годится!), но Вы использовали свои женские чары молодости и заставили его дать Вам главную роль в фильме, к чему у Вас нет ни способности, ни призвания. Ведь Вы уже показали свою несостоятельность в балете. Поверьте, не Ваше дело искусство, а Ваше дело хорошо выйти замуж и быть красавицей для мужа.

Ирина! Умоляю Вас, будьте милосердны и разумны, оставьте в покое всеми уважаемого человека и не убивайте его жену, достойную женщину, которую Вы можете довести до гибели.

Умоляю, умоляю, опомнитесь!

Ваша доброжелательница, любящая Вас».

— Конечно, без подписи,— сказал Крымов сухо.— Скромный памятник зависти в эпистолярном жанре. Спаси меня, милосердный, от доброжелателей моих, а с врагами я как-нибудь и сам справлюсь. Послание почтенной корреспондентки выше всех похвал и требует самого искреннего ответа из двух слов: к чертовой матери!..

Он решительно разорвал письмо, отбросил клочки в сторону, но тон фальшивого соучастия и вожделенного мучительства, исходивший от неумело напечатанных на машинке фраз, и эта лицемерная защита его семейной чести пакостно царапнули в душе.

«Так кто же они, друзья беспощадные, которые ничего не прощают: ни молодости, ни чужой радости?» — подумал он, уже не удерживаясь в том живом настроении, какое появилось в монастырском храме, когда Ирина из льющегося солнечного потока сходила по ступеням.

— Как безжалостно они меня ненавидят,— проговорила Ирина.— И вас из-за меня.

— Я режиссер и привык ко всему.

— А я не хочу, чтобы ваши несчастья шли из-за меня.

— В кино, чтобы победить, надо пройти через девять кругов Дантова ада,— заговорил он обыденно.— Представьте, что я ваш Вергилий и поведу по этим кругам сравнительно безопасно. И стены Иерихона падут. Я верю в вас.

Признаюсь, я долго присматривался. Вы все сумеете.

— Нет,— сказала она.— Стены Иерихона не падут.

— Почему?

Она обхватила колени руками, положила на них подбородок, наблюдая горообразное облако с пепельными подпаленными краями, заходившее из-за леса на том берегу, где за огнистыми вспышками реки везде тоже жгуче сверкало, струилось в жару пестротой зелени, бликов, густой тенью орешника, дремотным покоем перегретых лугов.

— Нет,— проговорила она, и строгая морщинка пролегла у нее на лбу.— Вы мне ни разу не говорили — ваша жена знает, что я есть на свете?

— О вас она ничего не знает.

— В этом мире все связано, Вячеслав Андреевич?

— Все. Или почти все.

— Хорошо.— Она протянула руку.— Помогите мне встать.

«Она боится неловко встать, вспомнила о травме связок? Именно сейчас она вспомнила об этом?»

И он стиснул ее хрупкие пальцы, аккуратно поднял ее с земли, она выпрямилась, задела его юбкой по ногам, но тотчас вслед за тем отступила на шаг, страдальчески дрожа бровями, вскинула незнакомо улыбающиеся глаза.

— Что, Ирина?

— Простите меня... Я не буду играть в фильме,— сказала она.— Простите за то, что я подвожу вас и нарушаю планы. Я знала, что со мной плохо кончится. Я виновата, виновата, виновата. Перед вашей святой женой. Перед этими дурами-актрисами. Перед вами. Перед фильмом. Я уеду в Ригу к отцу. И так будет лучше. Для всех. Нет, пожалуйста, ничего не говорите!— заторопилась она и тут же, видя, что он готов прервать ее, и почему-то с улыбкой, кокетливо делая ему большие умоляющие глаза, в которых стояли слезы, повторила: — Я знаю, что вы скажете! Но я не передумаю. Так надо! Простите меня...

Порой чьи-то вскользь брошенные слова заставляли его бессонно ворочаться в постели, плохо спать ночью — он называл это сверхмнительностью, неврозом двадцатого века. Но то, что говорила она, не могло быть смягчено ни иронией, ни шуткой, этим утешающим оружием, с которым было легче жить. Он смотрел в ее кокетливо («Зачем?») увеличивающиеся глаза со стоячими слезами, и его охватывало такой давно не испытанной растерянностью, такой новой болью перед ее покорным отступлением, беззащитной наивностью, которых он не встречал последние годы, что ее насильственная сейчас и жалкая кокетливость, ее невыплаканные слезы показались ему мученическими. И Крымов, окончательно утратив благое настроение в этот погожий июньский день, понял, что все планы со съемками на август полетели в тартарары. Он представил ее отъезд в Ригу как еще неподвластное состояние незаконченного действия и, хотя свободного выхода уже не было, наконец сказал единственную и вряд ли спасающую фразу:

— Не делайте этого, Ирина.

— Спасибо. Я сделаю это. Я уже решила,— сказала она, глядя исподлобья с виноватой осторожностью, и пошла вниз по тропке к реке, чуть покачиваясь в талии, не разгаданное и не познанное им существо.

Позднее, вспоминая, что произошло потом, он в бессилии думал, что был в тот день непростительно и эгоистически расчетлив, глуп, туп, а в это время безумие настигало их черным крылом на том холме неподалеку от монастыря Старого Спаса.

И ему чудилось, что, когда они спустились к расплавленной зноем реке, некое бесцельное безумие было и в самом солнце, которое остро, паляще давило, угнетало, поднявшись в высоту, а туча, сгущенная до черноты, для чего-то заходила и заходила из-за леса, стремительно расширялась, клубилась краями, тянулась в зенит, совершенно черно сбоку загораживая солнце, отчего на вершине холма разительно вспыхнул какой-то девичьей белизной монастырь. Крымову стало душно, на берегу тянуло жарким, парным, затем пошли, побежали темные полосы по воде, резко потянуло свежестью, и Крымов даже задохнулся от орудийного раската в поднебесье, от застучавших по лицу крупных капель и неясно увидел, как тот берег, река, небо слились в мелькающий ливневый мрак.

— Ох, как хлещет, как он хлещет!— услышал Крымов сквозь шум дождя ее голос.— А как хорошо, как хорошо купаться сейчас!

Они стояли под мостом, окатываемым струями дождя, звеневшим над головой по железу пролетов, его удивило это «хлещет» — слово, явно пришедшее к ней в тот миг из детства, но более удивило другое, тоже бессмысленное, ненужное, безумное. Она говорила быстро: «Отвернитесь, не смотрите»— и торопливо снимала с себя насквозь промокшую, потемневшую кофточку, юбку и, вышагнув из туфель, в купальнике побежала по откосу вверх, на мост, оглядываясь с уже спутанными на щеках волосами и маня его рукой: «За мной, за мной, за мной!..»

Почему он не сообразил, не понял тогда, зачем она подымается к мосту, и почему не остановил ее? («Да так вот и не смог предупредить и остановить ее...») Раскаяние было запоздалым, отравляло его ядом, но оправдываться было не перед кем и изменить нельзя было ничего.

И все-таки последние ее минуты на земле, минуты ее отчаяния или радости перед тем неистовым дождем, когда она подымалась к мосту, ясно не представлялись его сознанию.

Ее голова лежала на его плече, и он проклинал каждый толчок машины, когда ее влажные, по-детски слипшиеся волосы касались его щеки. И так близко было ее лицо, уже источавшее земляной холод, уже неземное, с потеками краски под полуприкрытыми ресницами, и он так явственно сознавал, что никуда не уйти от всего этого ужаса, от всего этого немыслимого, час назад случившегося с ней (и вот теперь она в мокром купальнике лежала беспомощно качающейся от толчков головой на его плече, и это было последнее, связывающее их), что, казалось ему, в беспамятстве умолял кого-то пощадить, спасти ее, но после не помнил ни слова, лишь смутно видел, как оборачивался шофер — вдруг впереди него появлялись высосанные страхом глаза, по-рыбьи онемело раскрывающийся рот и струйки крови, текущие из ноздрей. И тенью проскальзывали те леденящие минуты, когда, вытащив Ирину из воды, он кинулся к оставленной за мостком машине и не нашел ее... В бессознании она еще дышала в те секунды, а он метался по берегу, кричал, звал, ругался сумасшедшими ругательствами с единственной надеждой, что шофер не мог уехать надолго. Но машина вернулась минут через сорок, и он, готовый к невозможному, увидев сытое, распаренное лицо шофера, не владея собой, не сдержал бешенства.

А больница была в районном городке, и пятьдесят километров проехали по тряскому проселку в предгибельном адском бреду: вероятно, гроза проходила, над дорогой что-то горячее, намокшее в ливне, неприятно зеленое проносилось в шуме, в гудении за стеклами, он стонал, стискивал зубы и снова чувствовал неживое прикосновение ее беспомощной головы на плече, ее безнадежное молчание...

Долго искали в городке больницу, вернее, проезды в больницу, дороги повсюду были перекопаны газовыми траншеями, наконец и вся эта мука кончилась, они остановились под тополями парка, у самого подъезда. Как он вылез из машины, оставив ее одну на заднем сиденье, вошел в подъезд, в сумеречный провал, где замельтешили незнакомые лица, как поднялся на второй этаж, пропитанный нечистым человеческим запахом, заставленный по всему коридору койками, как раскрыл дверь в кабинет хирурга, он помнил туманно. В те минуты перед глазами повторялось одно, застрявшее в его сознании навсегда: вот она встала на перила моста, видимая сквозь дождь, облитая купальником, сложила руки над головой и, крикнув что-то ему, плавно изогнулась, прыгнула в воду.

Потом он ожидал, пока его позовут, стоял на крыльце, курил и не докуривал сигарету за сигаретой и тер сжимающееся горло, плохо понимая, для чего солнце с летней радостью горело в лужах, освеженно и радужно переливалось на отяжелевших листьях в мокром парке, на мокрых лопухах, на умытой чистой траве, почему тяжелые капли звучно падали с навеса в полное до краев цинковое ведро, отчего зеркальные блики зыбко колебались, прыгали по навесу крыльца, а она была там, на втором этаже, лежала на каталке в своем купальнике, закинув голову с влажными светлыми волосами, с неподвижно полуприкрытыми ресницами, под которыми не просыхали потеки туши, лежала в комнате, стерильно белевшей кафелем, где не было надежды.

Продолжение следует.

КОММУНИСТЫ, ВПЕРЕД!

Мой боевой путь начался у города Калинина и закончился в Кенигсберге. За это время я был трижды ранен, но снова возвращался на передовую. Один бой мне не забыть никогда.

Наш 473-й стрелковый полк летом сорок четвертого форсировал речку Вилия и захватил перекресток железной и шоссейной дорог, закрыв путь отступления фашистам. Командиру полка был дан приказ стоять насмерть — это я знал точно, так как вместе с восемнадцатью разведчиками был у него в резерве.

Завязался жестокий бой. Гитлеровцы, подогретые шнапсом, пытались сбить наши батальоны, в которых численный состав не превышал и половины положенного. К тому же тылы отстали, боеприпасы кончались. Командиры батальонов просили подкрепления, но у командира полка были только мы — разведчики да связисты штаба. Казалось, не выдержим. И вдруг раздался призыв: «Коммунисты, вперед!» Это был голос заместителя командира полка по политической части майора Пархоменко. Произошло непостижимое! Все, кто был в состоянии держать оружие, в том числе и многие раненые, бросились на врага. Артиллеристы, тянувшие в тыл свои орудия без снарядов, бросили пушки и рванулись в бой.

Немцы дрогнули, и уже казалось, что судьба боя решена, но тут связной из третьего батальона доложил, что немцы заходят в тыл. Наступил черед разведчиков. Приказ для нас короток: «Умереть, но не пропустить врага!»

Когда мы взбирались по крутому откосу Вилии, я увидел трех гитлеровских офицеров, укрывшихся в густом кустарнике. Я их срезал из автомата. А потом подоспели и мои друзья. Враг был отброшен.

За всю войну я ни разу не плакал. Но когда прибыл на Парад Победы и когда москвичи со слезами радости целовали нас на улицах столицы, не выдержал...

Н. СТРЕЛЬЧЕНКО

Волгоград.

Земной простор

Анатолий ТУЧИН

ДОРОГИ

Сутуля сгорбленные спины,
от Украины до Москвы
через овраги и долины
лежат продрогшие мосты.
И даль порою так бескрайна
и так пронзительно светла,
как будто всей России тайны
дорога в зеркало свела.
У Прохоровки,
Обояни,
у Белгорода
и Орла
земля, взрыхленная боями,
передо мною пролегла.
Что смута вздохов и сомнений
и горечь тягостных минут,
коль судьбы прежних поколений
моим дыханием живут?
И даль
в сплошном потоке света
успокоенья не дает,
летит и требует ответа,
и вновь и вновь тревогой жжет.

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Вокруг меня в излучине реки
былых кострищ лежат напластованья,
в суглинке — кости, бусы, черепки,
а на березах — «Надя», «Вася», «Ваня».
Дымком струится тихо связь времен,
и от того глаза мои слезятся.
Сейчас я
пленник у лесных племен,
солнцехранитель завтра,
может статься.
Пусть люди дальше, к звездам, полетят
и превзойдут с годами скорость света,
я возвращусь когда-нибудь назад,
чтобы взглянуть опять
на место это.

МОЯ ЗЕМЛЯ

Мчат земные посланцы в огне,
и земные следы — на Луне,
а я скудную землю свою
в предрассветных туманах пою.
Вдоль по ниве проходит озноб
от прохлады
волна за волной,
я на этой земле —
хлебороб,
как и пращур
неведомый мой.
Я на этой земле —
пешеход
по дорогам труда и невзгод,
по весенним разливам цветов,
по торжественным залам дворцов.
Я — паломник на этой земле,
я — поклонник огня и снегов,
я — частица в космической мгле
и тревоги основа основ.
Мне ее и хранить и любить,
ее квантом невидимым быть,
сохраняя частицу тепла,
чтоб земля моя
светлой была.
Пусть уходят опять корабли,
покоряя далекий простор,
буду петь я просторы Земли,
как и пращур,
создавший топор.

●

Опять снега наполнились водой.
Опять ручьи стекаются в заливы.
И над восставшей, вспененной рекой
дрожит макушка затонувшей ивы.
Спешит вода сквозь редкие леса,
по обнаженным, вспаханным болотам,
и на пригорке солнечном лиса
опять свою роняет позолоту.
Роняют перья в схватке глухари,
крылами снег в бору далеком чертят,
и лось бредет слепящий жар зари
из лужи языком холодным черпать.
На вербах почки белизной полны,
проталины клубятся легким паром,
и где-то переборами струны
уже вздыхает за рекой гитара.
Ее мотив надломлен и пуглив,
и тонет он в созвучии высоком,
и чудится — звенят макушки ив
под тяжестью весеннего потока.

У РОДНИКА

Клубится пар над родником
дыханьем первого мороза,
над потемневшим сосняком
клубится белая береза.
А в роднике песчинок сонм
вода холодная колышет,
и ощущаю я во всем:
то мать-земля устало дышит.
Сейчас вот,
чудится,
во сне
она притихла...
Вот вздыхает...
Вновь тишина...
И вдруг ко мне
песчинок рой опять взмывает.
И ветер,
вздрогнув на воде,
то вдаль умчится,
то нахлынет,
замрет в мерцающей звезде
и снова где-то рядом стынет.
А я задумчиво сижу
перед осенним увяданьем
и вот уж бережно дышу
земли размеренным дыханьем.

●

Я читаю на срезах отживших дубов
невозвратные годы удачи,
что видны близ отчаянья
засух и льдов
и совсем незаметны иначе.
Пусть бывает спокойно,
и жизнь словно мед,
но и в меде есть привкусы
яда,
и не будет в грядущем
порыва вперед
без тревожащей памяти
рядом.
Чтоб на срезе тяжелых,
прошедших времен
не тускнели тревожные знаки,
чту я срезы дубов,
словно списки имен,
за меня уходивших в атаки.

●

Если я страданием людей,
как своим,
не буду задыхаться,
если я улыбкою твоей
перестану всюду восхищаться,
если я,
любовь не сохраня,
с грузом возрастающих желаний
отрешусь от собственных страданий,
ты меня не выдержишь, земля.

●

Есть в предгорном краю
на просторе степном
дол
и речка в нем илисто-мутная.
Там всегда меня ждет
мой родительский дом,
а не станция в жизни минутная.
Потому и домой,
уцелев на войне,
горсть земли возвращая на родину,
шел суровый отец,
чтобы силу дать мне,
чтобы знал я,
что им было пройдено.
Потому и ветра,
шар земной обогнув,
шепчут голосом детства несытого,
чтобы я,
все дела
отложив,
заглянул
в окна дома, еще не забытого.

ХЛЕБОРОБ

Алексею Дмитриевичу Кузнецову, кавалеру ордена Ленина и других правительственных наград, первопроходцу сибирской целины, ныне бригадиру колхоза «XX партсъезд» Кировского района Ставропольского края, посвящаю

Ты стоишь среди поля
и смотришь с надеждою в небо,
сапоги твои в пашню,
как будто два корня, вросли,
ты к посеву готов
дорогого и трудного хлеба
и теперь только ждешь,
чтобы тучи дожди принесли.
Хлебороб Кузнецов
Алексей-свет по батюшке Дмитрич,
все в руках твоих,
кажется,
даже небесная ширь.
Ты ладонью лицо свое
ровным движением вытрешь,
и на нем отразятся
Кавказ
и родная Сибирь.
Пахнет хлебом твоя
огрубевшая темная кожа,
и чиста синева
неподвластных бессоннице глаз,
на лицо твое
щедрая пашня сегодня похожа,
и на пашню лицо твое
очень похоже сейчас.

ПИСЬМО НЕ НАПЕЧАТАНО. МЕРЫ ПРИНЯТЫ

РЕШЕНИЯ ДЕЛОВЫЕ, КОНКРЕТНЫЕ

«Рубрика эта стала нам, читателям, уже привычной,— начала свое письмо в редакцию М. Л. Сытник из Харькова.— Вот прочитала в № 47 статью «Святой долг» и расстроилась. Расстроилась, честно говоря, подумав, как же несправедливо отнеслись к моему мужу, тоже участнику войны, ко всей нашей большой семье, пятеро из которой работают в железнодорожном депо «Октябрь». Очень правильно делает редакция, что выносит на страницы журнала все, что ей удается сделать для людей, своих читателей. Хотелось бы только, чтобы материалы эти чаще читали те, от кого зависит помощь нам, нуждающимся в ней».

Выполняя просьбу М. Л. Сытник, А. В. Шпака из с. Семихатки Херсонской области, Э. А. Чигирева из д. Войкова Крымской области, В. В. Герасимова из Ставрополя, Е. Г. Фрумсон из Москвы и многих, многих других наших читателей, публикуем еще несколько ответов с мест, полученных редакцией в последнее время.

Из поселка Солнечного Прикубанского района подписчик П. А. Головин пожаловался на плохую доставку журналов «Огонек» и «Ровесник». Факты эти при проверке областным агентством «Союзпечать» подтвердились. Начальник Прикубанского отделения связи З. М. Куликова уволена как не справившаяся с работой.

После соответствующих писем редакции на места по жалобам наших читателей жительнице Перми Р. М. Орловой открыт лицевой счет на освободившуюся в ее же квартире комнату, инвалиду II группы А. С. Васеевой из г. Черемхово отремонтирована отопительная система в ее квартире; трудоустроен молодой специалист, культработник А. Х. Магомедова из дагестанского села Кидеро, она назначена директором Кидеринского сельского Дома культуры; улучшена работа мастерской по ремонту обуви в г. Курахово Донецкой области по жалобе читательницы Н. Ф. Зайцевой, а за проявленную грубость при обслуживании заказчицы мастеру В. И. Рекуну объявлен строгий выговор с предупреждением. Из деревни Васьково Г. В. Никифоров пожаловался на отсутствие телефонной связи. Тавдинский горком КПСС сообщил нам, что связь с д. Васьково установлена.

Как мы уже писали, жалобы эти в редакцию чаще всего возникают из-за нежелания некоторых нерадивых работников, от которых и зависит решение подобных вопросов, сразу, без нажима, решить все незамедлительно, вникнуть в существо просьбы, внимательно выслушать человека, разобраться порой не в простой, исключительной ситуации.

Но вот пример, мы бы сказали, не ординарный, достаточно сложный. Житель г. Озеры Московской области Широков судим, отбыл свой срок наказания, в связи с чем не имеет права на проживание в Московской области. Все верно, все по закону. Но у него есть престарелая, совершенно беспомощная мать, проживающая в Озерах. Что делать? Следовать букве закона или подумать о больной женщине? Дважды «Огонек» запрашивал Озерский отдел внутренних дел, просил разобраться в ситуации. Получен ответ: «ГУВД Московской области удовлетворило ходатайство. В порядке исключения, учитывая престарелый возраст В. С. Широковой, сын ее прописан в Озерах».

Из Карагандинской области пришло письмо М. С. Литвиненко, который сообщал о злоупотреблениях в совхозе «Шахтер» Нуринского района. Письмо это было проверено Карагандинским обкомом КП Казахстана, факты подтвердились. В результате решением бюро обкома А. С. Семенов освобожден от занимаемой должности директора совхоза. За совершенные хищения зерноотходов, нарушение штатного расписания и финансовой дисциплины привлечены к уголовной ответственности А. С. Семенов, бывший главный агроном С. Т. Мусабеков, гл. экономист Е. Ш. Карбаев и другие виновные работники совхоза.

Подробный ответ получен нами и на жалобу т. Вимирова из Одесской области. Председатель РАПО И. М. Параскевич, используя служебное положение, строил личный дом за счет подведомственных организаций и совхозов района, за что ему объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку. Наказаны и другие виновные в разбазаривании стройматериалов. Директор совхоза «Березино» К. Г. Кирович освобожден от занимаемой должности за отпуск леса, цемента, камня за счет хозяйства своему тестю Параскевичу.

Публикуя эти ответы, полученные по сигналам наших читателей, редакция хочет еще раз подчеркнуть, что хапугам, любителям поживиться за государственный счет не удастся скрыть от правосудия свои преступные деяния. И те, кто еще не схвачен за руку, пусть не надеются уйти от суда людского.

В. МОРОЗОВА

Писательница за работой. 1940 год.

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВАНДЫ ВАСИЛЕВСКОЙ

ОГ

Имя известной польской и советской писательницы Ванды Василевской прежде всего связано с повестью «Радуга», созданной ею на второй год Великой Отечественной, публиковавшейся в газете «Известия» и журнале «Октябрь». Вскоре «Радуга» вышла отдельной книгой, была переведена на многие языки и выдержала ряд изданий. Автору ее была присуждена Государственная премия СССР. «Пламенное негодование, ненависть к захватчикам, стремление зажечь читателя этой ненавистью, внушить ему любовь к свободе и презрение к смерти водили пером писательницы»,— писала о «Радуге» Е. Усиевич.

В годы войны Ванде Василевской было присвоено звание полкового комиссара, затем полковника Советской Армии. Она была политработником и агитатором, писателем-трибуном, и слово ее доходило до широких масс. Сегодня стали боевыми реликвиями книжки ее очерков для воинов «Ненависть», «В хате», «Женщина с винтовкой». Читателям старшего поколения памятны страстные, взволнованные статьи писательницы, составившие цикл «На дорогах войны». Открывался он проникновенной «Песней о Родине». С первых боевых дней Ванда Василевская говорила о том, что «время требует от нас наибольших усилий,

В. Василевская и полковник Радимцев. Декабрь 1942 года.

На заседании Верховного Совета СССР. 1940 год.

В 1954 году.

Ванда Василевская.

НЕННАЯ СИЛА

наибольшего самопожертвования, напряжения всей воли в борьбе за свободу, за Советский Союз, за Родину нашу, за партию... — до последнего вздоха, до последней капли крови, до победы».

Своим вдохновенным творчеством писательница звала к Победе, утверждая, что живые и погибшие на войне навсегда останутся нашей гордостью, славой нашего народа. Говоря о подвиге советских женщин в борьбе с захватчиками, она называла в качестве образца бесстрашия имя Зои Космодемьянской — Тани, комсомолки, о которой первым рассказал в «Правде» майор Петр Лидов. А вскоре военному корреспонденту довелось встретиться и познакомиться с Вандой Василевской. По заданию редакции Петр Лидов побывал у польских патриотов под Рязанью, где формировалась тогда Первая пехотная дивизия имени Тадеуша Костюшко, которая стала затем основой создания Войска Польского. Здание штаба дивизии было украшено портретами Костюшко и великого польского композитора Шопена. Символично, что здесь же рядом был портрет Ванды Василевской. И это еще раз говорило о большом авторитете любимой писательницы, так много вложившей сил в дни формирования польских вооруженных сил на территории нашей страны. Она стояла у истоков рождения Войска Польского и была его трибуном. Приезд Василевской в формировавшуюся дивизию произвел огромное впечатление.

— Бейтесь с врагом так,— напутствовала она,— чтобы вами гордился каждый поляк. Вы не одиноки в борьбе, с нами Красная Армия. Верю, что дивизия, которая носит славное имя Костюшко, с честью выполнит свой долг перед родиной.

Председатель Союза польских патриотов Ванда Василевская выступила в те дни с зажигающей сердца речью перед выпускниками училища:

— Вы, офицеры,— рыцари новой Польши, вам вверяется честь ее. Вы становитесь рядом с такой славной могучей армией, которая имеет за собой Сталинград, Орел, Харьков... Будьте же достойны Красной Армии!

Запоминающе сказал Николай Тихонов: «Те, кто был знаком с Вандой Василевской, не могли не заметить чуть суровую красоту ее прекрасного лица, сдержанность и мягкость ее обращения и вместе с тем не могли не почувствовать, какая огненная сила внутреннего волнения живет в этой женщине с теплым светом задумчивого взгляда...»

А. САФОНОВ

Выступлением президента Академии художеств СССР Бориса Сергеевича Угарова «Огонек» открывает новую рубрику «Художник и время». Редакция предполагает публиковать под этой рубрикой размышления крупнейших писателей, поэтов, композиторов, художников, ваятелей, зодчих, режиссеров, актеров, музыкантов...

Борис УГАРОВ,
президент Академии художеств СССР,
народный художник СССР

О КАРТИНЕ...

В 1917 году началась новая эра в истории человечества. После штурма Зимнего дворца в Петрограде и победы народа, руководимого партией большевиков, утром над Россией и всей планетой взошла невиданная, небывалая з а р я. И это сияние Октябрьской революции определило свет и тени современного нам мира.

Перед художниками, поэтами, композиторами, всеми деятелями советской культуры встала благородная задача. Отразить эту н о в ь. Но, как известно, творчество — материя непростая. И чтобы создать истинное произведение живописи, надо было увидеть, понять, осмыслить и душою поверить в величие содеянной победы.

В искусстве тех буревых лет происходили процессы сложные. Масштаб социального явления вызвал к жизни и активизировал силы, которые, прикрываясь левой фразой, пытались ломать традиции и отправить на свалку все достижения многовековой отечественной и мировой культуры.

Только мудрость и воля партии Ленина остановили этот натиск дилетантов, неучей и анархистов от искусства.

Владимир Ильич говорил: «Красивое нужно сохранить, взять его как образец, исходить из него, даже если оно «старое». Почему нам нужно отворачиваться от истинно прекрасного, отказываться от него, как от исходного пункта для дальнейшего развития, только на том основании, что оно «старо»? Почему надо преклоняться перед новым, как перед богом, которому надо покориться, только потому, что «это ново»? Бессмыслица, сплошная бессмыслица!»

...Все фейерверки и бенгальские огни модернистов двадцатых годов, столь ныне разрекламированные на Западе, не выдержали испытание временем. Сегодня по меньшей мере странно смотреть на холсты, претендовавшие когда-то на лидерство в нашей живописи.

Великий Октябрь радостно восприняли крупнейшие мастера — Поленов, Нестеров, Архипов, Касаткин, Грабарь, Кустодиев, Лансере. В их картинах засверкала радуга нового бытия. С первых лет становления Советской власти такие живописцы, как Бродский, Греков, Александр Герасимов, Юон, Петров-Водкин, Рылов, Малютин, Машков, Сергей Герасимов, Иогансон, Кончаловский, Сарьян, создавали картины, портреты, пейзажи, в которых зазвучали свежие, сочные, мажорные краски современной им жизни. В некоторых композициях возникали героические страницы летописи трудных лет гражданской войны, борьбы с разрухой, тревожных будней.

Вскоре выделилась сильная группа молодых, талантливых, уже сложившихся мастеров — Дейнека, Самохвалов, Пименов, Кукрыниксы...

Искусство Страны Советов уникально. Ни одно государство мира не имело и не имеет такого многогранного, ярчайшего и непохожего друг на друга творчества равных, свободных народов, символизирующего неразрывную и невиданную доселе общность, родившуюся в результате победы Октября. И сколько бы ни тщились «советологи», изливающие злобу и ненависть к нашей культуре, приписывающие ей «организованность, конформизм» и иные грехи,— факты сильнее лжи.

Грандиозна панорама истории развития советского искусства от первых лет становления нашей державы до дней сегодняшних. В этом огромном многонациональном и своеобычном собрании немало подлинных шедевров. И среди них ряд к а р т и н - в е х. Они горячо любимы народом, глубоко памятны миллионам зрителей.

Советская живопись в своих лучших произведениях развивает традиции мирового и отечественного реалистического искусства. И эта прогрессивная, гуманистическая устремленность нашей живописи особо рельефно обозначается на фоне деградации западного модернизма, запутавшегося в бесконечных вывертах модных течений — поп-арта, сюрреализма, абстракционизма... Несмотря на подобные псевдоноваторские эксперименты, искусство Запада испытывает застой и упадок.

Ныне наше искусство занимает подобающее ему ведущее место в мире. Во всем этом нетрудно убедиться. В Государственной Третьяковской галерее была развернута уникальная ретроспективная юбилейная выставка, посвященная 225-летию Академии художеств. Вглядываешься в сотни творений наших замечательных живописцев, скульпторов, графиков и становится ясна роль советского искусства, несущего людям свет, правду и красоту, отражающего в своих произведениях любовь к родине социализма, к народу — победителю и творцу.

Эти идейные и эстетические качества нашего искусства резко противостоят упадочническому западному формализму, контрастно выявляя передовую роль социалистической культуры и искусства в поступательном развитии мирового художественного процесса.

Вдоволь наглядевшись на головоломные кунштюки и фокусы модернистских «кудесников» Запада, я не раз думал, что советским художникам есть чем гордиться, ведь они продолжают великие традиции мастеров, классиков реализма. В то же время наше искусство обращено в завтрашний день жизни человечества.

Советский народ, как никто на планете, знает, что такое война. Двадцать миллионов жизней — вот страшная цена наших потерь в последней мировой войне с фашизмом. Я фронтовик и поэтому особо ощущаю высокое счастье видеть мирное небо... Но нынешние будни планеты напряженны и суровы. Противоборство идеологий достигло небывалой остроты. Судьба человечества в опасности. Вопрос обнажен: либо мирное сосуществование государств с различным социальным образом бытия и мир, либо ядерная катастрофа, несущая гибель всему живому и обозначающая конец цивилизации.

Альтернативы нет!

Потому сегодня четко и ясно предстает роль всех людей доброй воли в борьбе против безумия термоядерного катаклизма. Немаловажна ответственность мастеров искусств в этом благородном движении. Их роль активна, ведь они представляют страну, строящую самое человечное, справедливое общество на земле — социализм.

Народ, партия Советского Союза высоко ценят творческие усилия наших деятелей культуры и искусства. Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Константин Устинович Черненко в своей речи на юбилейном пленуме правления Союза писателей сказал: «...Ничто не может заменить литературу, искусство в воспитании общественных нравов и чувств людей, в их способности воздействовать и на ум, и на сердце».

Эти слова, произнесенные К. У. Черненко, окрыляют нас, открывают новые творческие горизонты, но одновременно возлагают большую и почетную ответственность. Творить для народа, во имя мира и прогресса. Создавать прекрасные произведения искусства, отражающие наше сегодня.

Особенно остро ныне стоит вопрос о х у д о ж е с т в е н н о с т и.

Ведь понятия о гармонии и дисгармонии, реализме и абстракции, красоте и уродливости перестали быть категориями только эстетики. Они ныне обрели весьма весомое с о ц и а л ь н о е звучание.

И именно с позиций нашей светлой гуманистической цели — мира и социализма — мы должны еще раз подумать о нынешнем состоянии дел в развитии станковой живописи, о процессе создания к а р т и н ы — высшей формы выражения социальных идей.

С. Герасимов. 1885—1964. В. И. ЛЕНИН НА II СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ СРЕДИ ДЕЛЕГАТОВ-КРЕСТЬЯН. 1936. Государственный Русский музей.

С. Малютин. 1859—1937. ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ ДМИТРИЯ АНДРЕЕВИЧА ФУРМАНОВА. 1922.

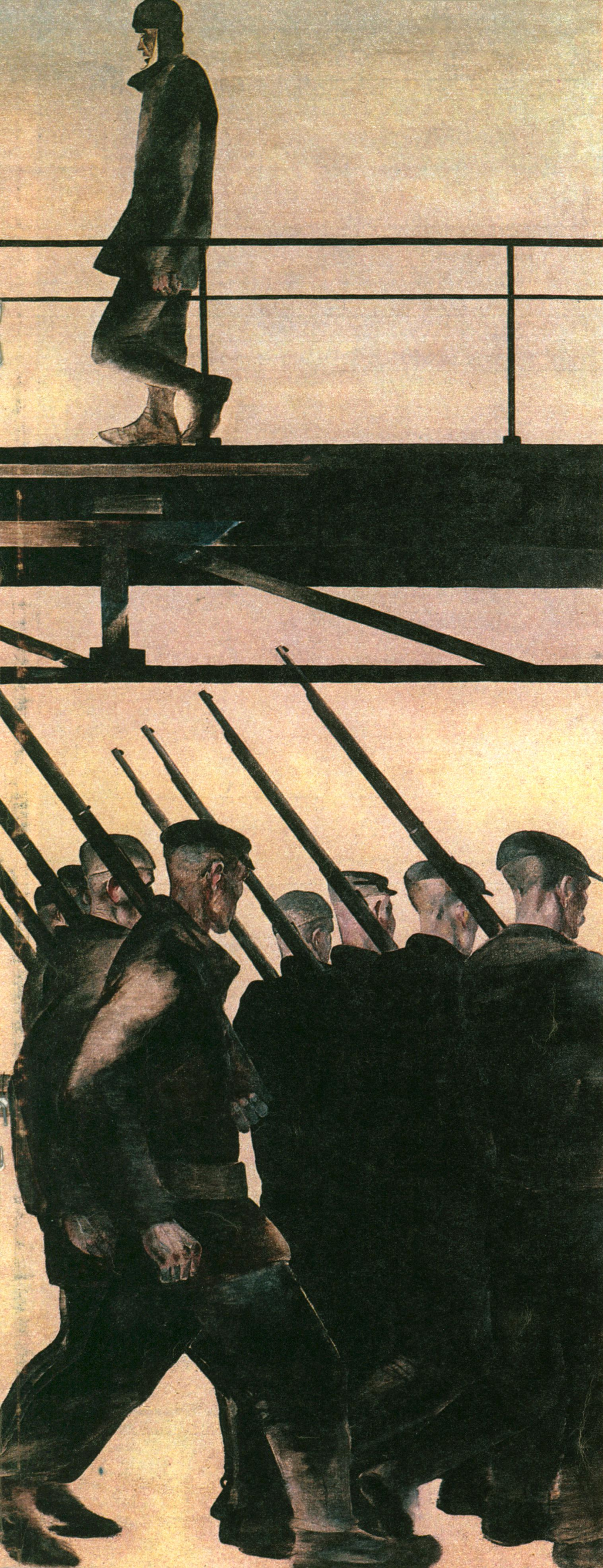
Государственная Третьяковская галерея.

Б. Иогансон. 1893—1973. НА СТАРОМ УРАЛЬСКОМ ЗАВОДЕ. 1937.

Государственная Третьяковская галерея.

А. Дейнека. 1899—1969.

ОБОРОНА ПЕТРОГРАДА. 1927.

Государственная Третьяковская галерея.

М. Нестеров. 1862—1942. ПОРТРЕТ СКУЛЬПТОРА ИВАНА ДМИТРИЕВИЧА ШАДРА. 1934.

Государственная Третьяковская галерея.

К. Петров-Водкин. 1878—1939. 1918 ГОД В ПЕТРОГРАДЕ. 1920.

Государственная Третьяковская галерея.

Б. Кустодиев. 1878—1927. БОЛЬШЕВИК. 1920.

Государственная Третьяковская галерея.

Картина представляется мне важнейшим жанром изобразительного искусства. Она, подобно роману в литературе, симфонии в музыке, способна глубже всего выразить представления художника о проблемах времени, его событиях, об окружающем мире. Вспомним историю искусства — мы знаем ее прежде всего по картинам, то есть по итогам, а не по этюдам, рисункам, хотя и прекрасным. В картинах наших гениальных предшественников сконцентрированы общечеловеческие идеи их эпохи, они волнуют нас и сегодня, так как изображенные в них конкретные факты, явления подняты на уровень проблем вечных. Они обогащают наш духовный опыт. Сила воздействия картины на зрителя тем больше, чем значительнее творческая личность ее создателя. И хочется подчеркнуть: независимо от того, к какому жанру обращаются мастера прошлого — к бытовому, историческому и прочим, их произведения всегда связаны со своим временем. Они вносили в свои произведения сопереживание, отражали проблемы, волновавшие современников, и в этом бессмертие жизни картины. Работа над любым тематическим полотном, особенно историческим, требует обширных знаний, серьезной профессиональной подготовки.

Процесс работы над холстом всегда мучителен. Когда приступаешь к нему, ты бодр, думаешь, что это будет лучшая твоя картина. Потом видишь: не получается — и останавливаешься. Но не позволяешь себе опускать руки. Начинается новый процесс «проявления» задуманного, он подстегивает. Хотя порой испытываешь мучительные переживания от несовершенства того, что делаешь. Тем не менее вкладываешь все душевные силы, чтобы вытянуть вещь до замысла, с которым подошел к чистому холсту.

Наша профессия не замкнута в себе. Она призвана служить людям. Поэтому утверждение в искусстве высоких идеалов, чистота помыслов художника остаются нашей главной задачей. Нужно всегда думать о запросе общества на наше искусство, на мое искусство. Зритель хочет видеть на полотнах художественное воплощение жизни, хочет иметь прекрасный романтический пример. Ответить на этот вопрос — долг художника. Если же он не обладает чуткостью к тому, что волнует сегодня зрителя, его место занимают конъюнктурщики, опошляющие историю Родины, все, что нам дорого.

Увлекаясь новыми, неведомыми прежде средствами выражения, художники порой забывают о цели, об общественной миссии искусства. При этом часто главным побуждающим стимулом оказывается желание быть во что бы то ни стало оригинальным.

Искусство обладает силой утверждать жизнь, человека, его разум, но оно может и разрушить человека, красоту мира, нравственные идеалы. Легко развалить художественную форму, превратить ее в абстракцию, разобрать по частям. Наша задача — развивать принципы реализма в самом гуманном его понимании.

Я никогда не сомневался, что реалистическое искусство способно бесконечно развиваться, меняясь, как жизнь, в которой каждая эпоха разнится от другой. Я допускаю, что можно увлечься новым модным течением, но в это новое веришь только тогда, когда оно выдерживает сравнение с классикой. Думается, в искусстве существуют твердые критерии — мерить наши победы великими образцами.

Очень важно проявить заботу о состоянии станковых видов творчества, которые составляют основу всего изобразительного искусства, являются идейно-эстетическим ядром современной художественной практики, решают задачи, выдвигаемые обществом перед искусством, определяют единство формы и содержания, традиции и новаторства. Советское искусство имеет богатейший опыт в создании станковой картины, который мы не должны забывать, а, напротив, обогащать на современном этапе. Судьбы реализма и станкового творчества едины. Далеко не случайно, что все попытки низвержения реалистического метода отражения действительности неизменно сопровождались интенсивной нигилистической критикой станковизма и в первую очередь картины.

И сегодня весьма активно раздаются голоса некоторых искусствоведов, утверждающие, что станковая картина устарела и что на Западе о ней забыли, настолько она ныне старомодна.

Этим «новаторам» следует вспомнить слова Бориса Кустодиева, сказанные в начале века. Они резковаты, но в них есть ощущение первичности большого искусства.

«Конечно,— говорил Кустодиев,— надо знать мировое искусство, чтобы не открывать америк, не быть провинцией, но необходимо уметь сохранить в себе нечто свое, родное и дать в этом нечто большое... тому крупному, что дает Запад».

Любая теория «конца станковизма» одновременно отрицала и ведущую роль реалистических традиций в развитии прогрессивной мировой культуры, отрицала сюжет, образ, реалистическое мастерство. Вот почему следует уделять постоянное, неослабевающее внимание станковым видам творчества, которые связаны с многовековым историческим опытом мирового искусства. Станковое искусство одухотворяет и во многом определяет пути развития всех других видов художественной деятельности — архитектуры, монументального и декоративно-прикладного искусства.

Необходимо, чтобы масштабные тематические полотна с момента своего обнародования становились неотъемлемой, важной частью духовной жизни всего общества, общепризнанным идейно-художественным явлением, значительной вехой современного советского искусства. К сожалению, подобные произведения нечасто встречаются на наших выставках последних лет. Картин высокого профессионального уровня, интересных по содержанию, разнообразных по живописной манере, а настоящее время создается недостаточно.

Зрители и художники ждут сегодня профессиональной, аргументированной оценки. Однако, когда молчит или звучит робко голос критики, поднимает голову банальность, возникает ажиотаж вокруг ложных кумиров, иногда остаются в тени талантливые произведения. Нередко и небезуспешно на общественное внимание начинают претендовать полотна, порой внешне эффектные, но в которых подтекста гораздо больше, чем текста. Намечается определенное единство между обывательским и авангардистским восприятием искусства. И для того и для другого характерны равнодушие к жизни, отрицание подлинного мастерства, и для того и для другого главным критерием художественной ценности оказывается успех, достигнутый любыми средствами.

Разумеется, иные произведения, обращенные к важным темам, но поверхностные, лишенные образной силы, попросту говоря, серые и безликие, далеки от реализма, противоречат самой природе искусства. К таким произведениям, как и к проявлениям безыдейности или мировоззренческой неразборчивости, не может быть никаких поблажек, так как они не просто портят вкус миллионов людей. Они дискредитируют темы и идеи, за которые берутся их создатели.

Необходимо также учитывать, что серость часто присутствует в скрытом виде и может одинаково успешно прятаться как за ремесленное производство холстов, пассивно регистрирующих факты, так и за интригующие, но не несущие за собой никакого гуманистического содержания, формальные, натуралистические конструкции. Все это формы воинствующего дилетантизма, имитация социальной активности.

Творчество Александра Иванова, Венецианова, Федотова, Репина, Сурикова, Перова, Ге, Валентина Серова дает нам бессмертные примеры художнического подвига, без чего, по сути, и невозможно претворить масштабные идеи времени в живые образы искусства. Безусловно, одних благих пожеланий для этого мало. И дело даже не во времени, отпущенном на создание картины, скульптуры или графической серии. Предельная полнота и совершенствование достижений задуманного, внутренняя выстраданность, психологизм, эмоциональная наполненность, глубокое сопереживание изображаемому — вот что должно волновать каждого мастера.

Иными словами, разговор идет не просто о количестве создаваемых в настоящее время тематических картин, не о процентном соотношении между различными жанрами живописи и видами изобразительного творчества. Тревожит другое. Зачастую многие живописные работы, претендующие и по своим размерам, и по затронутой их авторами актуальной теме на роль тематической картины, не обретают с момента своей первой встречи с широким зрителем того безусловного всенародного признания, каким пользовались и пользуются произведения корифеев советской живописи.

Важно свести к минимуму возможность медленного угасания современного станкового искусства на антресолях мастерских, в недрах запасников, в то время как в большинстве интерьеров общественных зданий станковое искусство отсутствует.

Вопрос чрезвычайной важности, от которого зависит будущее искусства да и всей культуры в целом,— это подготовка новой творческой смены.

«Чтобы советское общество уверенно двигалось вперед, к нашим великим целям,— сказал товарищ К. У. Черненко,— каждое новое поколение должно подниматься на более высокий уровень образованности и общей культуры, профессиональной квалификации и гражданской активности. Таков, можно сказать, закон социального прогресса». И мы должны руководствоваться этим законом во всех направлениях нашей работы с молодежью.

Советское искусство всегда исходило из требований социалистического общества, и мы подчеркиваем это. Наше искусство принадлежит народу, оно должно быть понятно и служить ему в построении коммунизма.

Понятие социалистического реализма не абстрактно, а вполне конкретно. Вспомним то, что говорил о социалистическом реализме Алексей Максимович Горький. Вот его слова: «Необходимо развить в себе умение смотреть на прошлое с высоты достижений настоящего, с высоты великих целей будущего. Эта высокая точка зрения должна и будет возбуждать тот гордый, радостный пафос, который создает необходимое новое направление — социалистический реализм».

Организующим началом подлинно нового в искусстве всегда был духовный мир художника. Нужно полюбить что-то в жизни, полюбить страстно и всем своим существом захотеть эту любовь выразить в искусстве. Только при наличии такого желания и может возникнуть новая художественная форма, только так может быть обретено свое творческое лицо.

Прочтите, как современно звучат сегодня слова одного из классиков нашего искусства — новатора Александра Дейнеки: «Народ требует искусства высокоэмоционального, больших пластических качеств. И он имеет на это право. И он не принимает искусство серого, уродливого, скучного. И он единственно правильно отвечает на эти наши грехи, мало ходит на некоторые выставки. Вот и все. И если быть правдивым, то это малоутешительно... А дело в том, что мы должны глубоко изучать процессы развития искусства и думать о завтрашнем дне. Нам важно сегодня... подумать и решить, каким должно быть искусство завтрашнего дня, надо гнать скуку с наших полотен, надо больше учиться, больше знать и не уставать удивляться. А главное, любить нашу жизнь, нашего современника, нашу Родину!»

Начиная с Октябрьской революции возникла новая ценность — искусство социалистического реализма, и это решительно изменило облик мирового искусства. Достигнутое советскими художниками не дополнение к эстетическим перепутьям XX века, а главное направление и перспектива развития искусства планеты. Поэтому ценности современного отечественного искусства необходимо утверждать гораздо активнее, чем это делается, гордиться, что наше искусство при всей сложности художественного процесса идет самой трудной, но и единственно верной дорогой, стремится создать полную и глубокую картину советского образа жизни, показать человеку его самого, его историю, его будущее.

Вечный «Шторм»

Еще недавно на сцене Театра имени Моссовета жил спектакль, который являлся как бы его своеобразной визитной карточкой не только потому, что стоял у рождения этого художественного коллектива и шел здесь почти шесть десятилетий. Но потому, что содержание, образы, самый дух сценического произведения несли в себе, олицетворяли собой революционное первородство всего советского театра, его неразрывную связь с жизнью народной, его коммунистическую идейность.

Начинался этот театральный вечер необычно торжественно, празднично. На сцену выходила почти вся труппа во главе со своим прекрасным и неповторимым предводителем — Юрием Александровичем Завадским. Он произносил краткое, но, как всегда, вдохновенное, взволнованное слово о Театре, важнейшем его идеологическом предназначении и в этой связи о пьесе, которую зрителям предстояло увидеть. Прямым продолжением такого пролога воспринималось разворачивавшееся следом сценическое действо, в ярких, страстных картинах которого представала боевая, напряженная, кипучая жизнь народных масс первых лет Советской власти.

Этот незабываемый спектакль — «Шторм».

Мы еще и еще раз вспоминаем о нем в эти дни, когда отмечается 100-летие со дня рождения автора пьесы — Владимира Наумовича Билль-Белоцерковского.

Славное писательское его имя для многих поколений читателей и зрителей связано в первую очередь со «Штормом» — пьесой, первопроходчески открывшей собою тот ряд советской драматургической классики, который продолжили «Любовь Яровая» К. Тренева, «Бронепоезд 14—69» Вс. Иванова, «Разлом» Б. Лавренева... Да и во множестве последующих советских пьес, посвященных революционной истории нашей страны, в образах большевиков, ведущих за собой массы в борьбе с врагами революции и не жалеющих себя во имя победы, в образах этих словно прорастут из «Шторма» главные его герои-большевики: председатель укома партии, его правая рука матрос Виленчук (знаменитый «Братишка»), старый коммунист Раевич...

Высокая романтика их мечты, их идеалов естественно сопрягается со строгой деловитостью их труда, с самоотверженностью борьбы. Именно поэтому личные судьбы, самобытная человеческая индивидуальность героев Билль-Белоцерковского стали типическим выражением Времени Революции, его атмосферы.

Что же помогло молодому, начинающему драматургу — «Шторм» написан в 1924 году — быть столь правдивым, точным и проницательным? Только ли несомненный талант? Наверное, прежде всего это была жизнь, которою он жил сам. Он воспроизводил сцены борьбы, в которой сам участвовал; он рассказывал о людях, образы которых, можно сказать, создавал с натуры.

«Когда я писал «Шторм»,— признавался Владимир Наумович,— передо мной вставал Симбирск с его муками, переживаниями, с его верой и бодростью...» В годы гражданской войны в прифронтовом Симбирске он работал председателем горкома партии. Да и вообще он во всех своих произведениях «словно стенографировал жизнь». Обратившись к его «Автобиографии», мы видим, откуда он черпал для своих пьес, рассказов, очерков темы, сюжеты, коллизии, а самое главное—четкую классовую, социальную направленность.

...Безрадостное, тяжелое детство в украинском городке Александрия, в бедной многодетной семье. На шестнадцатом году жизни он бежит из дома. Нанимается юнгой на парусную шхуну. Восемь лет плавает матросом и кочегаром на русских и английских торговых судах по всему свету. Полуголодным скитается в поисках работы по Бельгии, Голландии, Франции. А с 1911 года более шести лет испытывает мытарства пролетария-чернорабочего в Соединенных Штатах Америки: «от окномоя небоскреба» до участника «голодного марша» безработных из Лос-Анджелеса в Сан-Франциско. В разное время и в разных городах... то в должности уборщика отеля, то кочегара, то землекопа, то просто безработного»...

На родину он возвратился в 1917 году, когда весь мир облетела весть о Февральской революции в России. И в том же году стал членом партии большевиков. Участие в Октябрьских боях в Москве, сражения на фронтах гражданской войны, партийная работа... Он не жалеет себя. «Классовая ненависть к эксплуататорам всех мастей и пролетарский интернационализм — это были два маяка, которые помогли мне выбрать верный курс...» — написал Билль-Белоцерковский. И эти строки из «Автобиографии» в полной мере относятся не только к его мировоззренческому, гражданскому, но и творческому писательскому становлению.

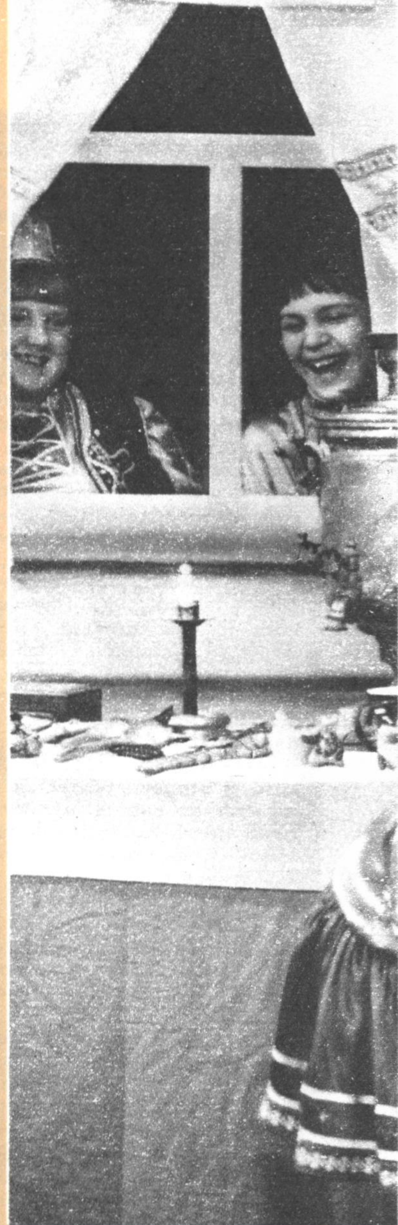
Примечательно, что путевку в литературу дал ему выдающийся советский писатель А. С. Серафимович, работавший в «Правде», где Билль-Белоцерковский печатал свои первые публицистические статьи, гневно разоблачавшие пресловутую американскую «демократию». В «Правду» он принес и первые свои рассказы, где, используя по совету Серафимовича накопленный жизненный опыт, обличал «его препохабие капитал», мир «желтого дьявола»... На себе самом испытал молодой писатель все «прелести», всю чудовищную античеловечность «американского образа жизни». И эти темы— безжалостная капиталистическая эксплуатация рабочих, ужасающее бесправие и нечеловеческие условия их жизни, оголтелый расизм — пролегли через все творчество Билль-Белоцерковского. Острый, горький жизненный драматизм, рельефность образов, энергический стиль отличают лучшие его рассказы этого цикла: «Монотонность», «В джунглях Парижа», «Пять долларов», «Хороший урок», «Пощечина», «Дикий рейс», «Старый Чили», «Три бифштекса с приложением»... Вместе с тем Билль-Белоцерковский показывает и классовую, интернационалистскую солидарность пролетариев, товарищескую сплоченность и взаимовыручку. Об этом рассказы «Бисмарк» и негр», «Черная душа», «Шутка»...

Но, конечно же, вершинным творением Владимира Билль-Белоцерковского стал «Шторм». Пьеса прославила имя драматурга не только в нашей стране, но и за рубежом. И где бы ни появлялся на театральных подмостках «Шторм», он всегда волнует и увлекает зрителя горячей революционной страстью, духоподъемностью.

И хорошо бы деятелям современной сцены чаще выверять курс нашего большого театрального корабля по таким вот классическим произведениям, вошедшим в золотой фонд советской драматургии.

Н. ЛЕЙКИН

ВОТ ТЕБЕ И «ДЕРЕВЕНСКИЙ» КЛУБ!

ФИЛЬМ О ПЕВЦЕ

Не так уж часто кинематограф радует зрителя встречей с мастерами отечественной музыкальной культуры. Должно быть, оттого свидания эти становятся особо притягательными. Недавно довелось увидеть новую работу киностудии имени А. Довженко: художественный фильм «Прелюдия судьбы» (сценарий С. Калиничева, постановка С. Лисецкого); в главных ролях Евгений Лебедев (Коробейченко) и Степан Старчиков (Анатолий Краско).

В основу картины положены события действительные, отчего картина приобрела оттенок биографический. Правда, здесь нет точного указания на лицо, с которого писался портрет,— об этом знают лишь создатели фильма,— но элемент личностного присутствия артиста ощутим с первого и до последнего кадра с той минуты, как только запел Анатолий Соловьяненко.

Украина — край, щедрый на народные таланты. Любят здесь песню, знают ее, поют в кругу семьи, друзей.

Создатели фильма решили познакомить нас с судьбой будущего мастера, показать сложные ее коллизии. Это и первая попытка поступить в консерваторию; и непонимание серьезных намерений юноши заняться музыкой и пением, стать профессионалом; и отказ от весьма заманчивого предложения руководства института — от аспирантуры. Единственный человек, который сумел разглядеть талант и помочь ему раскрыться,— это учитель музыки Коробейченко.

Говорят, что учителей, как родителей, не выбирают. И должен быть счастлив тот, кто повстречал своего учителя!.. Коробейченко строг, даже придирчив, резок; он тиран,

С Маргаритой Филипповной не соскучишься! Фото С. Герасимова

Еще несколько лет тому назад слово «Зарайчаночка» никому ничего не говорило. А сегодня не найдется в Зарайском районе Московской области никого, кто бы не знал, что это хор девушек сельского клуба деревни Летуново.

Деревенский клуб — один из самых маленьких в районе, зато хор известный! Имеет звание лауреата многих, и не только районных, но областных конкурсов и фестивалей. Недавно его показывали по Центральному телевидению, выступление хора передавали в радиопрограмме «Маяк».

Поет «Зарайчаночка» много. И популярные песни советских композиторов, и народные песни.

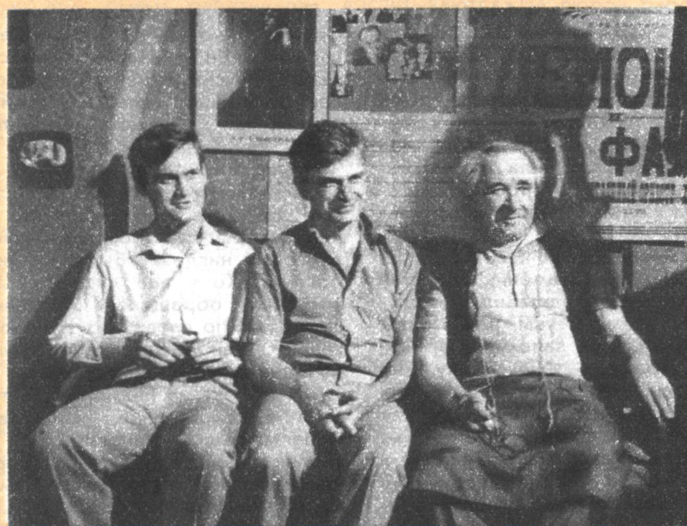
Вместе с основателем и бессменным руководителем коллектива Маргаритой Филипповной Васильевой, художественным руководителем сельского клуба, часто заходили девушки в гости не к сверстникам, а к бабушкам — с одной и той же просьбой: спеть те самые любимые, давние песни, которые помнят до сих пор. Бабушки, конечно, соглашались. И не только песни пели, но и свои старинные девичьи игры охотно играли, и пляски плясали. Вот так родился в сельском клубе спектакль-концерт «Посиделки». Это напоминание о давних «вечеринах» — о том, как в прошлом и даже в позапрошлом веке веселились тогдашние девушки-невесты.

Почти всем хористкам пришлось стать и плясуньями, и рассказчицами, благо добрый пример рядом: руководитель хора, Маргарита Филипповна, как говорится, и швец, и жнец, и на дуде игрец. Поговорка эта словно про нее сочинена. Сама она платья зарайчаночкам тонким бисером вышивала. Если плясать начнет — попробуй-ка перепляши ее! Да еще на ложках себе аккомпанирует. Приходите. У М. Ф. Васильевой, лауреата конкурсов и районных, и областных, и республиканских, причем конкурсов разных — и ложкарей, и плясуний, и певуний, и мастериц прикладного искусства,— многому научишься.

Когда приехали в Летуново специалисты из фольклорной комиссии Союза композиторов СССР, они поразились: песни, что поют зарайчаночки, никому в Москве не известны. Так что хору Летуновского сельского клуба предстоит еще напеть все эти песни на пластинку.

А что делать в клубе малышам? М. Ф. Васильева им тоже дело нашла — организовала специальный музыкальный и поющий и пляшущий малышовый коллектив. Назвали этот коллектив простым деревенским словом «Зернышки». Ведь, как говорят в народе: «Зернышко к зернышку — глядишь, и колосок». Вот так и получается в Летунове: сельский-то клуб в самом центре деревни стоит. И зернышек все прибавляется...

Ю. ЗАРАНКИН

заставляющий Анатолия разучивать гаммы, постигать азы музыкальной культуры. И вместе с тем с трогательной нежностью оберегает он питомца, переживает его ошибки и неудачи; стремится научить не только музыке, но и жизни, открыть красоту искусства.

Учитель и ученик — главная тема, которой подчинено все действие картины. Их диалог идет под такт метронома, отсчитывающего время. Когда диалог обрывается на высокой музыкальной ноте — это прощание с учителем.

Среди актерских работ наиболее удачны образы главных героев. Евгений Лебедев играет весьма известного в прошлом певца, радетеля таланта. Он добр до чрезвычайности в общении житейском. И нетерпим, когда разговор идет об искусстве, призвании. Он — Мастер. Этим все сказано. Герой же Степана Старчикова — наш современник, самозабвенно влюбленный в музыку. Его дорога идет через множество испытаний; их преодоление требует упорства, твердости характера. И хорошо, что Старчиков не идеализирует своего героя, а стремится к жизненной правде...

Как было уже сказано, фильм о музыке и музыкантах. Поэтому надо сказать об исполнителе, чье присутствие наделило картину высокой художественностью.

Поет Анатолий Соловьяненко.

Зритель не видит артиста, но слышит его чудесный голос. Украинские народные песни, произведения классики великолепно ложатся на изобразительный ряд. Исполнительское искусство Соловьяненко именно и соединило эпизоды фильма, посвященного большому Искусству.

К. МИХАЙЛОВ

На снимке: С. Старчиков, А. Соловьяненко и Е. Лебедев на съемках фильма «Прелюдия судьбы».

ОДИНОКИМ ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ НАДЕЖДА

Почему по прошествии немалого уже времени память вновь возвращается к кадрам доброй комедии сценариста А. Инина и режиссера С. Самсонова «Одиноким предоставляется общежитие» (киностудия «Мосфильм»)?

Успех картины бесспорен. Летом в кинотеатре «Горизонт» был зарегистрирован полуторамиллионный зритель, кстати, школьная учительница. Не иссякает поток зрительских писем создателям фильма, удостоенного приза XVII Всесоюзного кинофестиваля в Киеве.

Точное «попадание», совпадение с наболевшей социальной проблемой, учет массовых людских пожеланий... Актуальность «прорастает» с экрана в жизнь и продолжается за рамками кадра.

Как двум одиноким людям найти друг друга? В фильме «службу знакомств» берет на себя также одинокая, но не унывающая и обаятельная героиня, которую подкупающе искренне играет Н. Гундарева.

Желая помочь подругам обрести личное счастье, Вера пишет за них отклики на брачное объявление в газете. И подруги — разными путями, изобилующими комедийными ситуациями,— счастья таким образом добиваются! Приходит оно, как заслуженная награда за самоотверженность и бескорыстие, и к самой Вере, чего все мы по ходу картины в зрительном зале ждем и хотим, чему — под занавес,— смеясь и любуясь героиней, от души радуемся.

Однако разве так не бывает в жизни? Надо только уметь верить — в этом убеждают нас авторы фильма, показав пример активного действия, перед которым отступает одиночество. Они не просто отразили действительность, но попытались на нее повлиять на стыке бытовой достоверности и шутливого гротеска.

...Идет время, появляются новые комедийные ленты, предлагающие нам новые житейские ситуации, новых героев. Одни оцениваются в зрительском сознании сугубо по шкале развлекательности, что само по себе неплохо, другие — по степени приближения к жизни, а в отдельных случаях и опережения жизни... Так произошло с фильмом «Одиноким предоставляется общежитие».

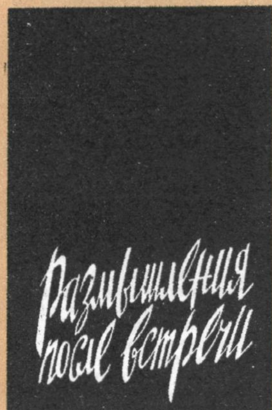
Стираются в памяти явные недостатки картины, остается главное — обратная связь со зрителем. И остается надолго.

О. ЮРЬЕВ

На снимке: кадр из фильма.

МЫСЛЬ БЕСПОКОЙНАЯ, МЫСЛЬ ВДОХНОВЕННАЯ

Эта книга посвящена театру, и по яркости, драматической напряженности своей она театру сродни. Все в ней насыщено острым динамизмом и борьбой, все проникнуто мощным, стремительным движением от истоков к современности, от фактов к породившей их сути. Она посвящена нашему театру, родному отечественному. Главная ее забота, главная боль и главные надежды связаны с проблемой сохранения и развития уникальных традиций русского сценического искусства с его сердечностью, целомудренной чистотой, правдивостью, глубиной и силой мысли. С его одухотворенной человечностью.

Не часто, к сожалению, в наше время встречаются выступления театральных историков и критиков с таким этическим пафосом, активной гражданской позицией и бесстрашным бойцовским темпераментом. Можно не сомневаться, что «Размышления после встречи»* станут толчком к новым размышлениям театроведов и практиков театра, да и не только размышлений, но и горячих, страстных споров. В таком случае книга М. Н. Любомудрова выполнит одно из важнейших своих назначений — она поможет активизации профессиональной и общественной мысли о театре, его исторических судьбах, современном состоянии и перспективах дальнейшего движения.

Сложный, необычайно просторный мир этой книги изобилует множеством тем и героев, разнообразием жанров: тут и рассказы о первом российском театре, созданном Федором Волковым, и об истоках режиссерского театра начала века, и портреты выдающихся деятелей отечественной сцены, и острые критические заметки, написанные «по горячим следам» спектаклей, и масштабные обзорные статьи о целых эпохах, целых пластах театральной жизни, и серьезные теоретические раздумья о проблемах метода и стиля, сценического освоения классики.

Да, этот мир разнообразен и обширен, но он не оставляет ощущения пестроты материала, распыленности идей, разбросанности впечатлений... Напротив, он необычайно сконцентрирован в своей основной проблематике и отличается большой мировоззренческой цельностью, четкостью нравственных и художественных ориентиров. Такие ориентиры можно найти прежде всего в очерке о Федоре Волкове, замечательном самородке с волжских берегов, проявившем исключительную самоотверженность в служении искусству и отечеству, завещавшем своим преемникам высоту гражданских и просветительских идеалов. И монументальный портрет нашего замечательного современника Н. К. Симонова, который, кажется, в полной мере воплотил в своей личности и своем творчестве романтический блоковский идеал «человека-артиста», и выдвинутая Блоком программа театра высокой трагедии и комедии, героической драмы; и пророческие мысли К. С. Станиславского о значении национальных традиций нашей театральной культуры, о судьбах сценического реализма,— все это вершинные точки, ориентиры книги, которые позволяют автору разобраться в самых разных и непростых, порой запутанных, порой лукавых художественных явлениях и идеях прошлого и настоящего, дать им четкую оценку и вести читателя прямым и трудным путем правды, красоты и добра.

Нельзя не заметить, что иной раз этот путь бывает и несколько прямолинейным, что порой автор торопит читателя, не давая созреть его собственным мыслям, а предлагает свои, уже выношенные и готовые выводы. Однако честность и продуманность этих выводов, их актуальность и научно-критическая ценность не вызывают сомнений.

Замечательный эпиграф вводит читателя в мир размышлений книги и определяет их внутренний пафос. Это слова Н. Гоголя о том, что «искусство есть водворение в душу стройности и порядка, а не смущенья и расстройства...». Вот о тех «качествах и свойствах» нашей сцены, которые ей следует «развить и возлелеять», и о тех, которые «омрачают благородство природы» искусства, и написана книга.

С. БОНДАРЧУК,
Герой Социалистического Труда, народный артист СССР

* М. Н. Любомудров. Размышления после встречи. М., «Современник», 1984, 352 с.

Олег ПЕТРИЧЕНКО

Чело... у те...

Заурядная история приключилась со мной на исходе минувшего лета. Получил я вдруг телеграмму от старинного друга-приятеля, с которым по разным причинам не виделся лет шесть. В телеграмме приятная новость: собирается навестить, да не один, а с женой и наследниками. Указан и день прибытия и поезд, а вот час долгожданной встречи пришлось уточнять по телефону в справочной службе.

Уточнил. И минута в минуту с букетом цветов примчался на вокзал. Примчался, увы, с солидным опозданием: оказалось, что нужный мне поезд давным-давно распрощался со своими пассажирами и отправился отдыхать в один из тупиков.

И пока я бегал по вокзалу, выясняя что к чему, приятель мой, потоптавшись малость на платформе, вместе с семейством отправился в неблизкие новостройки, надеясь застать меня дома. Естественно, не застав, решил, что я в срочной непредвиденной командировке, и, вконец огорченный, снова отбыл в центр, безуспешно попытавшись устроиться в гостиницу.

Не буду рассказывать, как я его искал и где уже к полночи ближе нашел. Все хорошо, что хорошо кончается. Но легкое чувство обиды за пережитую нервотрепку, по-глупому потраченный воскресный день не улеглось и поутру, а потому я снова решил позвонить в справочное и во избежание подобных казусов в дальнейшем посетовать тамошнему начальству на небрежную работу их барышни, неправильно назвавшей время прибытия нужного мне поезда.

Выслушали меня внимательно. Но... наповал уложили единственным вежливым вопросом: «Простите, а с кем именно вы разговаривали?»

И в самом деле, с кем?

По фамилии, имени, отчеству девушка не представилась, служебного номера, увы, не назвала. Приблизительно запомнил время, когда получил лжесправку, но оказалось, что для выяснения истины этого недостаточно. Так как разговор наш нигде и никем не зарегистрирован. Мало ли кому я мог позвонить. Так что претензия моя, лишенная конкретного адресата, повисла в воздухе, праведный гнев растерянно улетучился, и я поспешил завершить разговор довольно общими пожеланиями насчет дельнейшего улучшения качества работы вверенного собеседнику учреждения. Что мне и было обещано.

Заурядная история, одним словом. И забылась бы она совсем, но вот, как выяснилось, примерно в те же дни случилось в городе, увы, трагическое происшествие, предотвратить которое мог всего один телефонный звонок.

Собственно, он был сделан, и сделан своевременно: слесарь объединения «Невский завод» имени В. И. Ленина А. П. Прейс, увидев из окна своей квартиры, как у проходящих мимо его дома по Торжковской улице троллейбусов соскакивают в одном и том же месте с проводов токоприемники, начал дозваниваться до соответствующих служб и вышел в итоге на дежурного диспетчера троллейбусного парка № 2. После заверения в том, что «аварийная» прибудет немедленно, Александр Петрович успокоился, но, как выяснилось, преждевременно: ремонтники не приехали ни через час, ни наутро, когда он ушел на работу. Троллейбусы по-прежнему были вынуждены останавливаться в этом злополучном месте, и потому за телефон села оставшаяся по болезни дома супруга — Изабелла Владимировна. Ее переадресовали уже в троллейбусный парк № 5; очередной диспетчер вновь пообещал принять незамедлительные меры, но и через час и еще через двадцать минут «аварийная» не прибыла.

А в 12 часов 18 минут сорвавшаяся штанга очередного троллейбуса, ударившись о трос электроосвещения, рухнула вниз, и удар ее оказался смертельным для человека, переходившего улицу.

Происшествие, конечно, чрезвычайное. Виновные в нем понесли заслуженное наказание; городская газета, рассказавшая об этом случае, публично назвала фамилии людей, чья халатность обернулась столь печальным исходом.

Но вот что поразило лично меня: ни разговоры А. П. Прейса и его жены с диспетчерами, ни переговоры транспортников между собой нигде не были зафиксированы. Хотя все диспетчеры, к которым обращался Александр Петрович, по словам их руководителей, люди дисциплинированные, исполнительные, надежные.

Так кто же из них, получив тревожное сообщение, сплоховал? Нелегко было установить это, поскольку после ЧП у некоторых «надежных» товарищей память вдруг как отшибло: все, оказывается, звонили друг другу, но никто не запомнил, когда и кому именно.

А надо ли вспоминать то, что должно быть записано? Записано механически, без учета того, угодна или неугодна данная запись человеку, который по долгу службы обязан реагировать на поступивший сигнал.

Уверен, знай дежурные диспетчеры ТТУ, что каждое слово их служебных разговоров друг с другом, с гражданами, сообщающими о всякого рода неполадках на линиях, фиксируются на магнитную ленту и что запись эту, как отчет о дежурстве, можно в любой момент поднять из архива, проконтролировать поминутно, ЧП на Торжковской было бы предотвращено.

Нелишней была бы подобная мера контроля и в десятках иных инстанций, куда мы нередко обращаемся с просьбой ли, с уведомлением, жалобой. Обращаемся порой безрезультатно, так как некоторые граждане, сидящие за служебными телефонами, чувствуют себя за ними как за каменной стеной. И по сути никоим образом не отвечают за свое ответное слово.

Сгущаю краски? А вам не доводилось, выстояв жарким летним днем многочасовую очередь у касс, получить вместо требуемого билета на юг вежливый отказ, поскольку вымученный вами по телефону предварительный заказ тем не менее не известен никому, кроме вас самих? А сколько часов нашей жизни безрадостно уплывают в черные дыры чужой болтливости! Не секрет, что вечная занятость телефонов некоторых позарез необходимых работников, всевозможных администраторов, справочных служб далеко не всегда объясняется действительной занятостью этих самых работников и служб. Скорее бесконтрольностью — располагая «персональным» аппаратом, можно и на службе успешно решать многие личные дела или, отдыхая душой, попросту болтать с кем угодно и о чем угодно.

Впрочем, это уже разговор хоть и на родственную, но несколько иную тему. Что касается нашей, то я позволил себе небольшой эксперимент: взял телефонную книгу и, придумав соответствующие случаю поводы, позвонил в справочные службы железной дороги, службы быта, бюро путешествий и экскурсий, поговорил с представителями телеграфа, аварийной службы водопроводной сети, заказал такси, потревожил еще несколько организаций, с которыми мы, как возможные клиенты, общаемся чаще всего. И всех собеседников озадачил одним и тем же итоговым вопросом: скажите, наш разговор с вами вы обязаны зафиксировать где-либо?

— Вы что, детективов начитались?— поинтересовались в одной организации.

— Делать нам больше нечего,— рассмеялись в другой.

— Да я здесь тридцать лет работаю, вы что, мне на слово не верите?— обиделись в третьей.

Верю, конечно же, верю. И даже убежден, что в большинстве своем все мои собеседники — прекрасные люди и хорошие работники. Во всяком случае, не хуже тех, кто служит в милиции, охраняет нас от пожаров, оказывает скорую и неотложную помощь.

И при этом считает естественным и ничуть не обидным, что любое обращение граждан к ним обязательно записывается на магнитную ленту. Для точности и во избежание каких-либо недоразумений. И недоразумений здесь, как правило, бывает меньше, чем где-либо.

Разумеется, наивно было бы объяснять высокую дисциплинированность служб, вызываемых по телефонам 01, 02, 03, исключительно наличием у них звукозаписывающей аппаратуры. Но не менее несправедливо было бы утверждать, что трудятся там какие-то от рождения особо сознательные граждане.

Граждане точно такие же, как и мы с вами. С теми же достоинствами и недостатками. А что касается сознательности (равно как и ответственности, дисциплинированности), то прекрасные эти качества не выдаются в пожизненное пользование вместе с дипломом об окончании среднего или высшего учебного заведения. Они воспитываются. На любой работе, в любом коллективе, где служебные отношения основываются на лаконичной и мудрой формулировке: «Доверяй, но проверяй».

Доверять мы научились. А вот проверять частенько отчего-то стесняемся. И оттого терпим немалый нравственный да и материальный урон, сводя все разговоры о культуре делового общения к благим пожеланиям как-нибудь эту самую культуру повысить.

Повысить надо нашу взаимную требовательность. И помнить, что основой настоящей дисциплины всегда был, есть и будет жесткий контроль. И если наладить этот контроль можно с помощью техники, то, право же, не стоит отказываться от ее услуг. Тем паче, что затраты с лихвой обернутся сэкономленным временем, сбереженными деньгами и нервными клетками.

век
лефона

В СФЕРЕ БЫТА

«Огонек» на КамАЗе

В канун Нового года гигант на Каме — КамАЗ был награжден орденом Ленина. Высокая правительственная награда за высокие трудовые достижения в выполнении плановых заданий и социалистических обязательств. У Камского объединения по производству большегрузных автомобилей уже есть и свои славные традиции. Одна из них — творческое отношение к труду, казалось бы, будничному, запрограммированному, без чего не победить в социалистическом соревновании ни в цеху, ни в отрасли. За проявленный трудовой героизм бригадиру шлифовщиков прессово-рамного завода КамАЗа Зуфару Минтимировичу Иманову присвоено звание Героя Социалистического Труда. Награждены орденами и медалями СССР и многие отличившиеся работники объединения.

Бегут, бегут по дорогам страны грузовые машины, самосвалы с маркой «КамАЗ». Их с каждым днем все больше и больше.

Шаукат Хуснутдинов возглавляет одну из лучших бригад главного конвейера.

За трудовой героизм

Фото Г. Калачьяна и М. Медведева (ТАСС)

КамАЗы на улицах города Брежнева.

С добрым утром, малышка!

А. ЧЕРНЯХОВСКИЙ,
фото И. ТУНКЕЛЯ

Рождение человека не всегда, увы, завершается благополучно. И тогда — тревожный звонок в больницу имени Н. Ф. Филатова, где в отделении реанимации новорожденных в любой час дня и ночи к спасительному броску на помощь готова специальная бригада.

— В таких острых ситуациях,— говорит заведующая отделением реанимации кандидат медицинских наук Татьяна Николаевна Эвертова,— неоценимы огромный опыт, обширные знания, спокойствие, душевная щедрость нашей старшей медицинской сестры Аллы Павловны Сорокиной. Работает она в отделении со дня основания и не счесть, наверно, сколько сот раз по таким вот экстренным вызовам выезжала в составе бригады.

Рядом с Аллой Павловной увереннее действует и врач — ей ничего не нужно объяснять, понимает все с полуслова, по мимолетному движению знает, что надо сделать в следующую минуту. Без колебаний и без раздумий сама она готова при необходимости дать свою кровь. Много живет в Москве шустрых мальчишек и девчонок, спасенных ее горячей кровью и добрым сердцем.

Из административного корпуса больницы, где началась наша беседа, мы идем с доктором Татьяной Николаевной Эвертовой в ее владения. Второй этаж. Звонок в дверь. Едва переступив порог, останавливаюсь в нерешительности: ярко-красная черта на полу резко перечеркивает дальнейший путь: «Стоп!» И тут возникает хозяйка всех этих строгих, гулких, сверкающих стерильной чистотой комнат. Она в светло-голубом форменном брючном костюме, в такого же цвета парусиновых бахилах по колени, в надвинутой до бровей шапочке.

СЕС

— Знакомьтесь,— говорит спутница,— наша Алла Павловна.

Сорокина выдает мне обязательную для всех амуницию. Под бдительным надзором натягиваю на ноги бахилы, тщательно завязываю все шнурки на халате, покрываю голову колпаком.

Входим в большую, светлую палату, разделенную стеклянными перегородками на изолированные боксы. В крайних боксах — по два прозрачных кювета, они похожи на аквариумы и подняты на высокие подставки. В каждом кювете новорожденный. Он не успел еще получить имени, а на табличке у изголовья пугающе длинный перечень опасных недугов: тяжелая пневмония, трахеобронхит, легочный сепсис... Дышать не может, и ему помогает аппарат — видно, как подрагивает введенная в трахею резиновая трубка. Самостоя-

И сказка лечит.

ТРЫ МИЛОСЕРДИЯ

тельно не сделал еще ни одного глотка — питают его смесями через катетер, введенный в подключичную вену. Ножки оплетены тоненькими проводами: в окошке стоящего рядом монитора меняются светящиеся цифры — 132—133 — столько раз в минуту сокращается его маленькое, мятущееся сердце.

— В кювете постоянно поддерживается микроклимат, оптимальный именно для данного больного,— объясняет Алла Павловна.

В двух шагах, у процедурного столика склонилась медицинская сестра. Перед ней три раскрытые, как ноты на пюпитре у музыканта, истории болезни. Сестра набирает что-то в шприц, сверяясь с записью врача, и нет-нет да и поглядывает на своих подопечных. Алла Павловна шепчет ей что-то на ухо, та согласно кивает головой: сейчас сделаю!

— У вас, наверно, сложилось впечатление, что у нас тут одни горести и тревоги,— улыбается Алла Павловна.— Нет, много есть и радостей. Иначе невмоготу работать...

Она подводит меня к стенду «Наши дети». На фотографии запечатлены трое: заведующая отделением Татьяна Николаевна Эвертова, рядом с ней озаренная улыбкой молодая, коротко подстриженная женщина — осчастливленная мать и между ними крепенький мальчуган лет трех.

— Игорек,— как бы знакомит нас Сорокина.— Привезли его из роддома в состоянии крайней тяжести, даже и не надеялись, что спасем, однако делали все возможное. Семь суток держали на искусственном дыхании, дважды сделали заменное переливание крови. Да что там, взгляните сами, каким он был...

На фотографии видна беспомощная фигурка в уже знакомом стеклянном ящике. На другом фото тот же Игорек, но уже спасенный от почти неминуемой смерти — ребенок, как другие.

— А этот крепыш в брючках и полосатой тельняшке, снятый с огромным плюшевым мишкой?

— Тоже наш!— с гордостью говорит Алла Павловна.— Артем. Страшно даже сказать, каким мы его увидели сразу после появления на свет. Каждого из его недугов хватило бы, чтоб унести жизнь малютки. Потом, уже годовалым, его сняли с учета у невропатолога. Так же угрожающе складывалась судьба и Алены. А потом видите какой стала хорошенькой толстушкой. На снимке ей полтора годика, а сейчас уже около трех — бывает у нас в гостях, не забывает. Не представляете, какую радость переживаем мы на этих свиданиях, все тяжкое забывается, понимаешь, что для этого стоит трудиться.

Слушаю одну из спасительниц этих детей и думаю: у врачей и сестер не меньшее право называть их своими, чем у матерей,— те дали жизнь, эти ее отстояли. При реанимации чрезвычайно ответственна, понятно, роль врача, определяющего тактику спасительных мер, но не менее важна, ответственна роль сестры — здесь не столько вылечивают, сколько выхаживают больных детей, шаг за шагом вырывают их из цепких лап смерти.

Из-за стены слышен громкий плач. Успокаивающая малютку сестра ласково приговаривает: «Ух, как разбушевалась, значит, силы появились!»

— Злой человек, эгоист у нас работать не сможет! — Голос у Аллы Сорокиной тихий, певучий, походка легкая, мне кажется, что она не идет, а скользит рядом.— Надо изнутри, всем сердцем, истинно по-матерински любить детей.

Да, необычная работа у этих сестер милосердия. Тугой сплав неистового напряжения и радости, горьких потерь и счастливых побед, полной самоотдачи и сознания до конца исполненного долга. Это подлинные подвижницы!. «Борцы, подвижники, творцы,— писал В. Вересаев,— они всегда жили и будут жить,— в исканиях и муках, в восторге побед и трагизме поражений».

Все самое чистое, светлое, сокровенное не терпит суеты, не нуждается в фанфарах и фейерверках. Но разве справедливо, что о таких сестрах, как Алла Сорокина и ее сподвижницы Ольга Архарова, Светлана Дурынина, Елена Синдеева, Галина Кузина, Ольга Львова, старшей из которых 23 года, а младшей — 18 лет, мало кто знает? Об их будничном, каждодневном подвиге редко пишут в газетах и журналах. И представлением к награде местные органы не очень-то балуют отличившихся в беззаветном труде медицинских сестер. Об этом стоит подумать нам всем и поднять на должную высоту самую добрую, милосердную, истинно женскую профессию медицинской сестры, позаботиться о повышении ее престижа, о заслуженной оплате ее труда. Следует подумать и о средствах малой механизации рабочего места медсестры. Тогда исчезнет неестественный перекос в профориентации девушек. И тысячи отзывчивых, добросердечных захотят надеть белый халат и крахмальную косынку с красным крестом — символом готовности отозваться на первый же призыв о помощи.

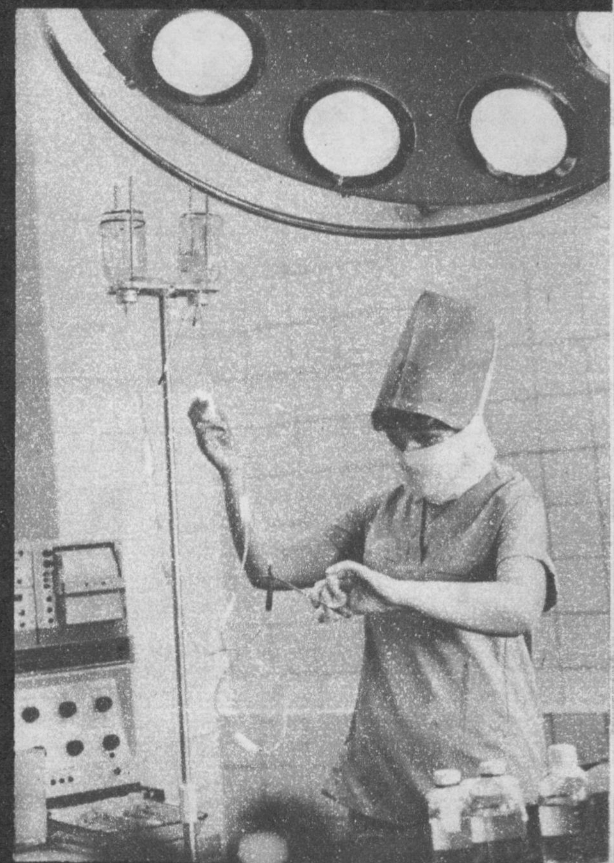
А пока даже приходящие в то же отделение реанимации выпускницы медучилищ оказываются в

Целительный укол.

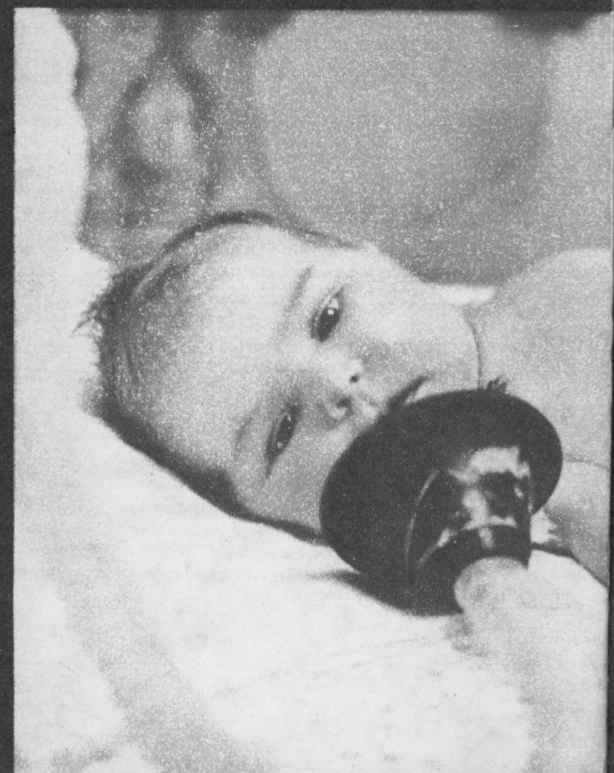

Сестры неотлучно находятся рядом...

Внимание, еще раз внимание — такова их работа.

Победила жизнь.

полном недоумении. На первых порах им, правда, нравится, что все здесь гудит и светится, что красива и элегантна голубая форма, что обслуживает сестра 2—3 ребенка, а не 15—20, как в обычных лечебных учреждениях. Но очень скоро мираж рассеивается. Они узнают, что в отделении реанимации вместо 27 штатных сестер есть только 17, что здесь должно быть 12 санитарок, но нет ни одной. Вся забота о чистоте помещений, об их систематической дезинфекции, о смене постельного белья и пеленок, о подогреве пищи — дело тех же семнадцати. И случается, что иные из них решают: к чему мне эти тревоги и бессонные ночи, если можно устроиться секретарем к какому-то начальнику и жить спокойно, чисто, без нервов. И оплата повыше.

— Мы этих случайных людей не удерживаем,— говорит Сорокина,— они не в состоянии понять главного: смысла, значимости работы сестры милосердия. Врач — вот предел их мечтаний,— он лечит, спасает, а что сестра... Как их убедить, что медицинская сестра — совершенно особая специальность и очень высокая человеческая должность. Разве не подлинная наука накормить — впервые-то в жизни! — удобно уложить малюсенького человечка, успокоить его, вовремя улыбнуться, аукнуть, обиходить...

Какое точное всему этому, отдающее доброй стариной найдено слово — обиходить! В медицинских училищах старательно учат будущих сестер всяким манипуляциям — поставить банки, сделать укол, ввести в глаза капли, наложить повязку. «Обиходить», свидетельствуют старые словари, нечто иное: охаживать, иметь попечение, присматривать, заботиться. Этому, увы, не учат.

— Сестра, чтобы хорошо обиходить ребенка,— продолжает Сорокина,— должна как бы жить его жизнью. Не только знать, но сопереживать с ним: что именно сейчас ему нужно, а что мешает, чего хочется...

— Умения и знания сестры реанимационного отделения стоят особняком,— подчеркивает доктор Эвертова.— Количество препаратов, которыми здесь пользуются, раз в сто превышает то число лекарств, какое назначают детям в обычных родильных отделениях. Работать с таким набором средств, в том числе сильнодействующих, очень сложно.

— Неужели все сестры у вас таковы!

— Они неодинаковы, а требования ко всем одни и те же. Старшая сестра отделения Алла Сорокина больше всего, наверно, устает от необходимости постоянно контролировать и напоминать об ответственности. К счастью, у нее есть для этого моральное право, по знанию дела — это практически тот же врач. И потом...— Татьяна Николаевна подыскивает правильные слова,— потом у нас действует очень суровый порядок. Кажется, в Китае существовал обычай: во главе траурного шествия, перед гробом покойника шел лечивший его врач. У нас в отделении сестра, потерявшая своего больного малыша, сама вынуждена завернуть его в клеенку и отнести в морг.

Тяжкая, что и говорить, обязанность!

Но там, где счет идет на жизнь, там и спрос и ответственность по высшей мере!

«Как ты вырос!
Какой хороший стал!»

СЛОВО О ПЕРВЕНЦЕВЕ

А. А. Первенцев. 1929 год.

Аркадию Первенцеву исполнилось бы сейчас восемьдесят лет. Без малого полвека назад он прочно вошел в молодую советскую литературу романом «Кочубей», воплощавшим героическую эпоху гражданской войны, рождения нового, социалистического мира. Глубокое проникновение в личные и социальные судьбы героев, подлинная живопись словом, безупречное владение романической фабулой — все это привлекло к Первенцеву миллионные массы читателей как в СССР, так и за рубежом, где роман многократно переводился и переиздавался.

Сын Ставрополья и Кубани, он и внешностью своей олицетворял красоту и мощь народного характера. Творчество писателя-коммуниста получило высокое признание Сергеева-Ценского и Алексея Толстого, Михаила Шолохова и Александра Серафимовича, благословившего молодого Первенцева на трудный и благодарный путь в литературе. И вполне естественно, что много лет спустя Первенцев создал сценарий эпопеи Серафимовича «Железный поток» для одноименного фильма бережно, с огромной любовью и пониманием этого романа. Среди учителей и старших коллег Первенцева были Федор Гладков, Леонид Леонов, Федор Панферов и Всеволод Иванов. Первенцев сразу же встал в строй советских романистов, призванных в литературу Великим Октябрем и гражданской войной.

В самый канун Великой Отечественной войны Первенцев завершил трилогию «Над Кубанью». В первые месяцы войны им создана пьеса «Крылатое племя», поставленная сразу же в ЦТКА Алексеем Дмитриевичем Поповым. А затем роман «Испытание» — о доблести народа, ковавшего оружие героической Красной Армии. В самый разгар Сталинградской битвы и битвы за Кавказ Первенцев на полях сражений, он и на бомбежках врага с летчиками, и в десантах с военными моряками. После тяжелого ранения он вновь возвращается на фронт. Его очерки о героях священной войны со страниц «Известий» и фронтовых газет обращены к сердцам солдат и тружеников, к нашим друзьям во всем мире.

Его работоспособность сомасштабна его таланту и патриотическому порыву. И так на всю жизнь. «Честь смолоду», «Огненная земля», «Матросы», «Черная буря», «Директор Томилин», «Секретный фронт». Это лишь некоторые из широко известных его романов.

Все они живы неиссякаемым чувством Родины, постижением глубинных процессов и диалектики рождения нового мира.

Первенцев оставил нам и непреходящую публицистику, неосуществленные сценарии, литературные заметки, колоссальную переписку и дневники. И все это большая познавательная и вдохновляющая литература. Многие поколения нашей молодежи черпали и черпают в его творчестве нравственные уроки личного становления, патриотизма и гражданственности, непримиримой ненависти к мещанству, своекорыстию и всему, что несовместимо с представлением о советском характере. Хотелось бы отметить удивительную чуткость и внимание Первенцева к сочинениям своих коллег, независимо от их возраста, жанра творчества, национальных особенностей. Он прочитывал буквально горы книг с огромным любопытством к еще «не открытым» звездам литературных галактик, восхищался истинным и иронизировал над псевдолитературными явлениями. Как писатель, он был ненасытен, стремясь охватить буквально все, что пробуждало в нем живой интерес. И в этом отношении он был очень близок к своему дальнему родственнику Владимиру Маяковскому.

Думаю, что в самом скором времени его соратники и читатели скажут свое коллективное слово о народном писателе, потому что каждый день его жизни, его пути-дороги, охватившие всю Родину и десятки сопредельных стран, его мысли, слова, поступки, неподражаемый первенцевский юмор достойны такой бесценной книги памяти.

Михаил ВЕРШИНИН

Т Ы
С
И В
К О

В жизни всегда запоминается все лучшее, то, что не может уйти из памяти с самых юных лет. Так когда-то вошли в мою жизнь «Тихий Дон» Михаила Шолохова, «Железный поток» Александра Серафимовича и роман тогда еще молодого писателя Аркадия Первенцева «Кочубей». Здесь была не просто география (тогда Кубань и Дон входили в единый Северо-Кавказский край). Здесь была память о гражданской войне, о ее героях. Поэтому имя одного из героев этой войны, Кочубея, оказывало магическое влияние на нас, юных читателей. Но не только имя, но именно все то, что было сделано кубано-ставропольским Чапаевым в те далекие и романтические годы гражданской войны.

Уже позже, перед новой великой войною, судьба свела меня с Аркадием Первенцевым, молодым, полным сил, всегда готовым помочь своим друзьям.

Еще одна встреча произошла уже поздней осенью сорок первого года, когда Аркадий Первенцев, узнав, что я лежу в одном из московских госпиталей после ранения, пришел ко мне для того, чтобы обнять своего младшего друга. Это была середина октября 41-го, время, когда гитлеровцы рвались к Москве, когда от взрывов рвавшихся невдалеке бомб вылетали стекла в окнах нашего госпиталя на Пироговке.

Конечно же, это было не лучшее время. Но именно тогда было так дорого участие в твоей судьбе старшего друга. Многое было сделано Первенцевым-писателем к тому времени, но одно особенно всегда было присуще ему: главной темой его книг стало воспевание военных подвигов, воспевание доблести советского народа.

Так сложилась наша судьба, что и в 1943 году мы оказались вместе, теперь уже военными корреспондентами газеты «Известия»,

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АРКАДИЯ ПЕРВЕНЦЕВА

НАМИ, АН ЧУБЕЙ!

под Новороссийском. Нас приютила авиационная дивизия Токарева, база которой находилась в Геленджике. Мы имели возможность, что называется, быть в самом центре событий не только этой дивизии, но и всей 18-й армии, командующим которой был тогда генерал Леселидзе. Вместе с Аркадием Первенцевым в сентябре 1943 года мы входили в разбитый, но освобожденный Новороссийск.

Вот так и был Аркадий Первенцев всю свою жизнь вместе с армией и военным флотом, бывая и у подводников, и у морских пехотинцев. Поэтому он так хорошо знал героические страницы Великой Отечественной войны.

Сейчас, когда мы отмечаем 80-летие нашего друга, прекраснейшего советского писателя, родившегося на Кубани, я невольно вспомнил и свои стихи, написанные в 1944 году, «На могиле Кочубея». И невольно подумалось, что строфы этого стихотворения впрямую относятся и к человеку, писателю, гражданину — Аркадию Первенцеву.

...Лежи, Кочубей! Мы к могиле твоей
Пришли на походе полками;
Наш славный водитель Иван Кочубей,
Ты снова в боях — с казаками!

Ты шашку свою захватить нам позволь,
Чтоб в битвах была она с нами;
По стали булатной исчерчена вдоль
Арабскими письменами.

И где-нибудь там, у дунайских степей,
Остриженный хлопец с Кубани,
Клинок поднимая: «Иван Кочубей!» —
Прошепчет сухими губами.

Ты с нами, Иван Кочубей! Казаки
Твоею исполнены силой!
...Взметается пыль над травою, полки
Идут над степною могилой.

Анатолий СОФРОНОВ

Виталий НЕХАЕВ

РАССКАЗ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

Коричневый Ничей

Коричневый Ничей — кличка большой лохматой бродячей собаки. Ее придумал мальчик с первого этажа очень длинного и высокого дома. Возле него и стал появляться время от времени Коричневый Ничей. С виду он был миролюбивый и добродушный: на визгливый лай всякой собачьей мелкоты, которую ранним утром и поздним вечером выводили на прогулку их владельцы, внимания не обращал. Лишь порой, когда уже никаких собачьих нервов не хватало, Коричневый показывал крепкие, но уже тронутые желтизной клыки.

К людям относился с опаской и осторожностью: близко не подходил, еду из рук не брал. А мальчику очень хотелось подружиться с Коричневым Ничьим. Возвращаясь однажды из школы, он приметил пса. Тот лежал на животе, вытянув вперед лапы и положив на них морду. В отличие от домашних бродячие собаки, отдыхая, редко ложатся на бок: из этого положения быстро на лапы не вскочить. Валяться на боку может позволить себе разве что какой-нибудь недоумок, недавно сбежавший из дома, или бедняга, выставленный из него за ненадобностью. Но и они вскоре поймут, что такая вольность может обойтись дорого.

— Привет, Коричневый! — сказал мальчик.

Кончик собачьего уха чуть дрогнул и приподнялся: пес огляделся и понял, что слова эти, по всей вероятности, обращены к нему.

— Жарко, да?

Мальчик медленно приближался к собаке. Пока еще не была нарушена та дистанция, которую определил для себя пес, он лежал спокойно, глядя в упор на мальчика. Но вот голова поднялась, и по носу прошли морщинки. Однако мальчик не понял предостерегающего знака и продолжал смело идти прямо на Коричневого.

— Жарко, да? — повторил он.

Внутри у Коричневого загудело, и он нехотя поднялся с земли. Мальчик остановился.

— Ну, что ты рычишь? Трогать тебя никто не собирается. Я просто хотел поговорить. А ты сразу рычать.

Коричневый наклонил голову. Со стороны могло показаться, что он понял сказанное и теперь его мучили угрызения совести.

— Ладно, больше я к тебе подходить не буду, раз ты не хочешь. Вот видишь, я кладу портфель и сажусь.

Мальчик сел на траву.

— И ты садись.

Пес тряхнул головой, поднял заднюю лапу и с ожесточением стал чесать себе бок.

— Что, блохи заели? А если бы жил в доме, то и блох не было.

Коричневый еще немного почесался и тоже сел.

— Так-то лучше. Давай поразговариваем. Ну, почему ты мне не веришь? Думаешь, я тебя обижу? Или на веревку посажу? Глупый ты: мне мама с папой не разрешат тебя привести... А очень хочется. Мы ходили бы гулять. Я бы причесывал тебя. Ухаживал.

Пес зевнул и огляделся по сторонам.

— Не хочешь? Ну и не надо. А зачем тогда приходишь сюда?

В то время как для домашних собак такие слова, как «гулять», «ко мне», «нельзя», «хороший» и еще многие другие, были наполнены определенным смыслом, для Коричневого они оставались лишь непонятными звуками. И только тон произносимых мальчиком слов, дружелюбный и ласковый, напоминал Коричневому о чем-то очень далеком и почти забытом.

...Он долго переживал разлуку с матерью. Ночью в темноте, тыкаясь мордочкой в поисках теплого материнского живота и не находя его, на какое-то время засыпал, свернувшись калачиком на старом, пропыленном коврике. Потом непонятно отчего просыпался, снова отправлялся в поиск и, набродившись по темному коридору, вновь засыпал. Сначала он покорно поддавался, когда, схваченного за загривок, его тыкали и тыкали носом в лужицу на полу. Он силился понять и не мог, почему с ним проделывают эту неприятную процедуру, а главное, что нужно делать, чтобы избежать ее впредь. Он стал огрызаться, скалился и рычал. Однажды не вытерпел и впился своими острыми как иголочки зубами в руку обидчика.

Впервые его крышей стало небо.

Холодные осенние капли били и били по голове, по спине, застревая в густой шерсти, которая, намокнув, не грела, а, наоборот, холодила все тело. Появилось солнце, но и оно не согрело малыша. Он сидел возле кучи битого кирпича и дрожал.

Щенок уже начал засыпать, когда чьи-то руки подняли его маленькое, продолжающее дрожать тельце.

И снова по спине и бокам били водяные струи. Но теперь они были теплыми, и это приятное тепло растекалось по всему телу. Потом его насухо вытерли, и он очутился на мягкой подстилке. Рядом стояла миска, до краев наполненная белой жидкостью. Ее запах неожиданно напомнил малышу материнский живот, даривший не только тепло, но и утолявший голод.

Прошлое забылось, а настоящее было сущим блаженством.

Быстро летит время. Коричневому шел уже третий год. Его густая, волосок к волоску лоснящаяся шерсть, белые, словно кипень, зубы, широкая грудь, сильные лапы — все свидетельствовало не только о крепком здоровье, но и собачьей силе. Об этой силе он знал и сам, но ни разу бездумно не пускал ее в ход. Понимание своего достоинства выработало в нем и соответствующую походку — медленную, с независимо и гордо поднятой головой. Со стороны могло показаться, что нет ничего вокруг, интересующего или волнующего Коричневого. Но это только казалось. Его нос жадно впитывал десятки, а может быть, и сотни запахов, которые с небывалой скоростью сортировались в нем на нужные и ненужные, потом — важные и неважные. Запахи заставляли то настораживаться, то переживать краткое волнение, которое непонятно почему вдруг охваты-

вало и туманило сознание. Тогда мгновенная дрожь пронизывала все тело. Именно теперь, весной, он стал отчетливее воспринимать этот запах, единственный из всех других, наполнявших все вокруг. И тогда он останавливался, его ноздри расширялись, а сердце начинало учащенно биться.

Однажды возле старых полусгнивших досок, валявшихся на месте сломанного сарая, он нашел то, что так долго и безуспешно искал. Запах! Волнующий, приводящий в смятение и заставляющий забыть обо всем на свете. Пригнув голову к земле так низко, что сухая трава то и дело царапала мочку носа, а пыль забивалась в ноздри и глаза, Коричневый обогнул кучу досок. Его губы подрагивали, из полуоткрытой пасти вырывался чуть слышный звук — нечто среднее между чмоканьем и хрюканьем. Он был полностью во власти запаха. Сам того не замечая, Коричневый уходил все дальше и дальше от хозяйки, которая, запрокинув голову и закрыв глаза, ловила лицом теплые лучи майского солнца. Иногда запах исчезал, и тогда он начинал судорожно разыскивать его, то поднимая голову, чтобы уловить в потоке ветерка знакомый запах, то снова припадал носом к земле. И, найдя его, шел навстречу манящей неизвестности.

Дважды или трижды он пересекал большие и шумные улицы, петлял по дворам и мчался по тротуарам. На его пути стали попадаться сначала редко, а затем все чаще и чаще деревья, кусты. Потом он спустился по пологому склону в овраг и побежал вдоль него.

Остановиться Коричневого заставило глухое, предостерегающее рычание. Стая полуодичавших собак преграждала ему путь. И тут он увидел ее, скорее понял, что это она. Та, которая своим беззвучным зовом, не обращенным ни к кому и призывающим всех, вырвала его из мира покоя и привела сюда. Шерсть на ее впалых боках свалялась, превратилась в сплошной колтун. Одно ухо беспомощно висело, в то время как второе торчало топориком. Небольшие черные глазки на узкой лисьей мордочке смотрели на него с удивлением и страхом.

Шерсть на загривке и вдоль спины у Коричневого медленно поднималась, он вытянул вперед шею, чуть опустив голову, из приоткрытой пасти донеслось глухое утробное рычание. Инстинкт подсказывал: пока он или любой из своры не сделает шаг навстречу, драка не произойдет. И он ждал, оценивая силу каждого из стоящих перед ним. Возможно, они еще долго стояли бы так, выжидая и изучая друг друга, если бы из-за спины вожака стаи — чепрачной овчарки — с визгом и лаем не выскочил маленький облезлый фокстерьер. Сделав прыжок к Коричневому, он тут же отскочил в сторону. Это была провокация. Естественным было отогнать наглеца, и Коричневый инстинктивно сделал шаг вперед.

Прыжок вожака был молниеносным. Он рассчитывал вцепиться в холку Коричневого, пригнуть голову к земле и быстрым перехватом впиться в горло. За долю секунды Коричневый разгадал этот маневр и, резко отвернув голову, подставил атакующему плечо. Густая шерсть заполнила пасть нападавшего. Он хотел вздохнуть, но не смог. А когда оскаленная морда вожака отпрянула на миг, Коричневый изловчился и нанес свой удар. К вожаку на подмогу рванулись два пса. Коричневый ощутил острую боль в передней лапе. Упав на бок, он придавил одного из нападавших псов, одновременно сбив с толку вожака, который, споткнувшись о Коричневого, перелетел через него, прокатившись по дну оврага. Коричневый первый поднялся на ноги. Мощные челюсти сомкнулись и разомкнулись. С визгом закрутился на месте еще один из нападавших. Но вожак был уже рядом. Больше ни один из псов не решался прийти ему на помощь, и это облегчило Коричневому борьбу. Чепрачный не был сильной и ловкой собакой. Теперь это понимал Коричневый. В один из моментов, изловчившись, он сбил вожака с ног, прижал грудью к земле, ощутив в пасти мягкий подвес — провислую под мордой кожу,— Коричневый сжал челюсти и почувствовал, как первая судорога прошла по телу Чепрачного. Потом его тело стало обмякать, вожак уже не сопротивлялся. И когда Чепрачный уже начал хрипеть, Коричневый разжал пасть.

Так неожиданно для себя он стал опорой и защитой этой бродячей своры.

Признание его стаей, однако, не означало признание Коричневого Лисьей Мордочкой. Она держала себя независимо. Более того, каждое его приближение к ней вызывало у Лисьей Мордочки такую ярость, которой хватило бы по крайней мере на пять Чепрачных. Но шло время, и вскоре Коричневый стал ее верным и заботливым спутником. Особенно эта забота проявлялась теперь, когда ее бока заметно округлились, а в движениях стала проявляться медлительность и аккуратность. Отправляясь на поиски съестного, он обычно бежал первым, чутко прислушиваясь ко всем подозрительным шорохам, а она трусила за ним. Наполнив свои желудки, они бежали в лес.

Так было и в тот день. Первые холодные снежинки ложились на еще теплую землю и тут же таяли. Животы у Коричневого и Лисьей Мордочки были мокрыми, шерсть свисала клоками, с них капала вода. Как обычно, они вернулись к месту своей стоянки. Коричневому показалась странной тишина. Она настораживала не только отсутствием звуков, но и тем запахом, который коснулся его носа. Он почуял беду и дал знак Лисьей Мордочке свернуть с тропы. Припадая отвисшим животом к земле, она отступала все дальше и дальше в кустарник. И тут раздался ее отчаянный визг, сменившийся злобным лаем. В два прыжка Коричневый оказался рядом с ней. Лисья Мордочка отчаянно извивалась под накрывшей ее сетью и с каждым движением запутывалась в ней все больше и больше. Коричневый схватил зубами сеть, потянул на себя, но в это мгновение что-то резко ударило его в бок. Он отлетел к кустам, но тут же поднялся, чтобы вновь ринуться на помощь подруге. Коричневый не видел людей, тянущих сеть, он видел лишь ее, бьющуюся, словно в конвульсиях, кричащую, зовущую на помощь. И снова Коричневый бросился к сети. Вдруг он почувствовал, как его горло что-то сильно сдавило. Эти тиски сжимались все сильнее и сильнее. Он начал задыхаться. А петля, наброшенная ему на шею, лишала его сил и возможности вести борьбу. Коричневый уперся лапами в землю, но они скользили по мокрой опавшей листве и еще не успевшей пожухнуть траве. Тогда он упал на бок, стараясь передними лапами подцепить петлю и немного ослабить ее.

Двое в брезентовых рукавицах все ближе и ближе подтягивали к себе Коричневого. И когда до них оставалось чуть больше метра, пес, собрав последние силы, вскочил на ноги. Они не ожидали этого и поэтому чуть отпустили палку, к которой была приделана проволочная петля. На мгновение она ослабла, и этого оказалось достаточно Коричневому, чтобы сделать глубокий, придавший ему сил вздох. Его прыжок, молниеносный и дерзкий, сбил с ног одного из ловцов, второй в ужасе отпрянул от разъяренного пса. Петля раскрылась полностью. В следующий миг Коричневый сделал резкое движение головой назад.

Лисья Мордочка больше не билась. Потрясение было слишком сильным для нее. Она неподвижно лежала на боку. Последнее, что увидел Коричневый: ее ставшие такими большими глаза, неподвижно глядящие на него.

Затравленным, злым зверем уходил Коричневый все дальше и дальше от места гибели стаи.

Только теперь, спустя какое-то время, он вновь почувствовал боль в боку. Сил идти дальше у него больше не было. Он остановился, поднял голову и завыл. Все живое, что еще оставалось в осеннем лесу, замерло, затаилось и притихло, заслышав этот вой. Закончив свою страшную песню, Коричневый, обессиленный, забрался под мохнатую ветку ели, свисавшую почти до самой земли, и лег.

С той поры не одну стаю поменял Коричневый. В каждую он входил гордым властителем. И так же гордо покидал. Он не мог примириться с безрассудной злобой собратьев, по каждому поводу и без повода затевавших свары, раболепно подчинявшихся лишь силе. Он ненавидел людей за их жестокость, но в его собачьем сознании продолжали жить и иные воспоминания. Они-то в конце концов и увели его из стаи.

Почему он оказался возле большого дома, Коричневый не помнил. И что теперь заставляло его частенько возвращаться сюда, он тоже не мог понять. Но какая-то необъяснимая сила вновь и вновь приводила его в этот двор.

— ...А зачем тогда приходишь сюда?— снова спросил мальчик.

Коричневому нравилось, как говорит маленький человек: тихо, спокойно. Это напоминало ему о чем-то очень далеком.

— Знаешь что,— сказал мальчик,— я сейчас принесу тебе поесть. Хорошо?

Он поднялся с земли.

— Только за это ты поохраняй мой портфель. Вот этот.

Мальчик взял за ручку портфель, потряс его и бросил на землю.

Конечно, Коричневый ничего не понял и ничего охранять не стал, а просто принял свою излюбленную позу: лег, вытянув вперед лапы и положив на них морду.

Мальчику показалось, что он был дома совсем недолго: достал из холодильника кастрюлю с супом, перелил немного в миску и разогрел на плите. Но когда вышел из дома, собаки не было.

Коричневый появился во дворе только через день. Это была суббота. Да какая суббота: мальчику исполнилось десять лет. Он давно ждал эту субботу, потому что в день рождения родители обещали купить ему велосипед. Первое, что увидел мальчик, выйдя с отцом во двор,— Коричневого. Он сидел на пригорке как раз напротив подъезда, явно поджидая кого-то.

— Папа, смотри, это он.

— Кто?— не понял отец.

— Коричневый Ничей. Помнишь, я тебе и маме рассказывал о нем. Это он меня ждет,— не веря своим собственным словам, проговорил мальчик.

— И этого здорового, лохматого пса ты хотел привести домой?

— Почему хотел?

— Ты сам так говорил.

— Я и сейчас хочу.

— Ну, это уж слишком. Если и заводить собаку, то какую-нибудь породистую, купить в клубе и воспитывать. Его приучать к дому?.. Согласись, что это несерьезно.

Мальчик молчал.

— Пойми, это несерьезно,— еще раз повторил отец.

— А если мы с ним друзья?

— Ну и дружите на здоровье. Только как можно дружить с таким дворовым псом, не понимаю. Пошли.

Магазин спортивных товаров был в конце тихого, безлюдного переулка. Мальчик с отцом осмотрели стоящие в ряд велосипеды и выбрали крайний. Продавщица уже выкатила велосипед на середину зала, когда за большим магазинным окном мальчик увидел сидящего на газоне Коричневого. Как и там, во дворе, он с напряжением смотрел на дверь.

— Папа, я не хочу велосипед,— вдруг сказал мальчик.

— Как не хочу? Ведь ты же мечтал о нем, и, наконец, это наш с мамой тебе подарок.

— Не надо,— еще решительнее сказал мальчик.— Я не буду на нем кататься.

Отец улыбнулся.

— А я, оказывается, совсем не знаю тебя.

— Как?

— Да вот так. Не знаю, и все. А велосипед мы все же купим.

Теперь Коричневый появлялся во дворе каждый день. Однако мальчика он по-прежнему к себе не подпускал. Если же тот вдруг нарушал невидимую границу, то пес поднимался и отходил в сторону. Никакие лакомства, летевшие в его сторону из рук мальчика, не соблазняли пса. Он оставался таким же недоверчивым, настороженным и осторожным, как и в первый день их знакомства.

Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы не один случай.

Мальчик катался вдоль дома на велосипеде. Коричневый лежал на своем излюбленном месте, внимательно наблюдая за происходящим вокруг. Внезапно он услышал звонкий лай. Коричневый мигом вскочил с земли и увидел мчащуюся наперерез велосипеду небольшую кудлатую собачонку. В несколько прыжков он оказался возле нее и с ходу сбил грудью. Маль-

чик, испугавшись, что собачонка может попасть под колесо, резко свернул в сторону, налетел на край тротуара и упал, разбив колено. Он лежал на асфальте, не в силах подняться. А Коричневый тем временем догнал собачонку, схватил ее за загривок и дважды тряхнул из стороны в сторону. После этого раскрыл пасть. Не переставая визжать больше от страха, чем от боли, собачонка пулей пролетела вдоль дома и скрылась за углом. Коричневый подошел к мальчику. Никогда еще не видел тот Коричневого так близко. Густая грива закрывала широкую грудь, крутой лоб плавно переходил в длинный с небольшой горбинкой нос. Кончики ушей были чуть загнутыми вперед. Но больше всего его поразил взгляд собаки: настороженно-заинтересованный, полный сочувствия и недоверия одновременно, казалось, он был растерян и не знал, что делать дальше. Мальчик даже забыл о сильной боли в колене. Коричневый наклонил голову и теплым шершавым языком несколько раз лизнул ссадину.

— Коричневый...

Мальчик протянул руку и провел по лбу, шее собаки. Пес не тронулся с места. Только еще ниже опустил морду. Впервые за много лет он позволил прикоснуться к себе человеку. Опущенная голова не была проявлением смирения и покорности. Он просто не хотел видеть, как к нему будет тянуться рука, чтобы не сорваться и не впиться в нее еще крепкими, но уже заметно стершимися клыками. Его тело было напряжено. Мальчик оперся рукой о твердую спину Коричневого и поднялся с земли. И тут же пес поднял голову. Его нос на мгновение сморщился в переносице, уши дрогнули, уходя за затылок. И он, тряхнув головой, отступил на несколько шагов.

— Спасибо тебе, Коричневый,— проговорил мальчик.

Пес не слышал слов. Он убегал со двора, прочь от того места, где неожиданно для себя позволил сделать то, что так давно не позволял никому.

Непонятная сила вновь и вновь приводила Коричневого каждое утро к знакомому дому. Вот распахивалась дверь, появлялся мальчик и выносил что-нибудь съестное. Пес приветливо раскачивал из стороны в сторону тяжелым пушистым хвостом, а мальчик произносил неизменное: «С добрым утром, Коричневый!» Их радость при встрече была обоюдной и искренней. Потом Коричневый Ничей, шествуя рядом с мальчиком, провожал его до школы. Пес терпеливо дожидался, когда тот снова появится в дверях. И опять они шли рядом по улице, но теперь уже к дому.

Пес усаживался напротив подъезда, а мальчик забегал домой, чтобы оставить портфель, наскоро пообедать и захватить приятелю тайком миску супа. Пока Коричневый ел, мальчик сидел на скамеечке возле песочницы.

— Твой?

За спиной мальчика стояли два взрослых парня. Одного из них он видел раньше: жил тот в соседнем подъезде, вечерами с приятелями ходил вдоль дома с орущим в руках транзистором. Другой был незнакомый.

— Твой?— повторил сосед по дому.

— Пока не мой, но скоро мы его возьмем.

— Как зовут-то?— кивнул незнакомый в сторону собаки.

— Коричневый Ничей.

— Во дает. Это что же за имя такое?

— У собак не бывает имен,— поправил мальчик.— Это кличка. Коричневый — потому что цвет у него такой, а Ничей — значит ничейный.

— Сам придумал?

— Сам.

— Во дает. А на кой он тебе сдался? Взял бы овчарку или эту, по телеку показывали, с длинной мордой, Лесю. Выучишь — она портфель в школу таскать будет.

Он ехидно хихикнул.

— Я портфель и сам донесу. А Коричневый — друг.

— Во дает: друг! Ты же сам сказал — ничей. Сегодня с тобой, а завтра...

Парень присвистнул, махнул рукой в сторону.

— Он как у тебя, злой?

— Со мной не злой. Долго не подходил, а теперь привык. Подходит.

— Короче, объясни ему, в чем дело,— влез в разговор сосед по дому.

— Ты нам пса не отдашь?

— Это зачем?— удивился мальчик.

— Да у него...— начал было сосед.

— Вовик, я сам,— перебил незнакомый.— Понимаешь, у меня дача. И мне нужна собака для охраны. Сад, там яблоки всякие, груши, ну и пацаны, как ты, лазят. А он станет охранять. Там у меня бабка живет, старая такая. Жалко старушку, ей одной страшно. А тут собака будет.

— А вы щенка овчарки купите, вот он и будет охранять.

— Щенок-то? Во дает. Да он пока вырастет, бабка помрет от страха одна.

— Нет, я Коричневого не отдам,— решительно сказал мальчик.

— Только ведь и поймать его могут. Он же бродячий, а с бродячими знаешь как: петлю на шею, в машину, и привет,— добавил незнакомый.

Мальчик ничего не ответил. Он позвал Коричневого и пошел вдоль дома.

Парни остались сидеть на скамейке.

— Надо было ему предложить чего-нибудь: фонарь какой, зажигалку,— проговорил сосед.

— Да он фанат, что, не видишь? — сплюнул под ноги незнакомый.— А шкура у пса классная.

— Что делать-то будем?

— Надо его приманить. На веревку, и в гараж. Он пустой сейчас. Отец с матерью только через месяц вернутся. Соображай.

Теперь каждое утро, забегая во двор, Коричневый первым делом встречал одного из тех, кто однажды разговаривал с мальчиком возле скамейки.

— Коричневый! — окликал его тот.

Пес замедлял бег и останавливался.

— Ну-ка, подзаправься.

И в его сторону летел кусочек колбасы. Поначалу пес не принимал подношения. Он позволял себе лишь втянуть носом приятный запах, а затем, повернувшись, бежал к подъезду. Но однажды кусок упал так близко, а голос, предлагавший отведать колбасы, был таким ласковым, что Коричневый соблазнился. Он глотнул кусок, облизнулся и продолжил свой путь.

Так было и на следующий день, и через день, и через три. Теперь он уже останавливался, чтобы съесть несколько кусков, предложенных ему уже знакомым человеком, от которого не исходило никакой опасности и которого, как решил Коричневый, можно было не опасаться.

Любовь и верность маленького человека — мальчика из большого дома — заставили Коричневого вновь поверить в человеческое добро. Их роднила еще и наивность. Может быть, поэтому так привязаны бывают друг к другу дети и собаки.

Постепенно к нему возвращалось то доверие к людям, которое волею судеб было когда-то к ним потеряно, как он думал, раз и навсегда.

Через несколько дней Коричневый уже позволял человеку, встречавшему его в начале двора, подходить к себе и даже гладить.

В последнее время мальчик стал замечать, что Коричневый почему-то не всегда вовремя приходит к подъезду. Иногда он, запыхавшись, догонял его на пути к школе. Пес подбегал сзади и толкал мордой руку с портфелем.

— Привет,— говорил мальчик.— Опять проспал. Ну и соня же ты стал. А я волнуюсь, что там с тобой приключилось.

Коричневый шел рядом, внимательно слушая наставления: кончики ушей то расходились в разные стороны, то сближались. А по тому, как шел с опущенной головой, можно было понять, что все упреки он принимает и ему, честное слово, чертовски стыдно за себя и за свое маленькое предательство.

Однажды утром, до школы, мальчик решил навестить своего заболевшего товарища. Жил приятель неподалеку, на соседней улице. Мальчик уже выходил со двора, когда за углом своего дома увидел мохнатую спину Коричневого. Он не стал окликать пса, потому что рядом с собакой увидел соседа по дому. Тот вел Коричневого на веревке. Он что-то доставал из кармана и давал собаке. Прячась за кустами, мальчик шел следом. Миновав детскую площадку, свернув за пятиэтажный дом, они оказались на пустыре у гаражей. Парень подвел Коричневого к одному из них и, достав из кармана целлофановый пакет, вывалил содержимое на землю. И тут мальчик не сдержался.

— Коричневый!— крикнул он.

Пес поднял голову, обернулся и в несколько прыжков оказался возле мальчика.

— Ты чего это?— спросил он у парня.

Тот, видимо, меньше всего был готов к такой встрече.

— А что?

— Зачем Коричневого привел сюда?

— Чего орешь-то? — Он огляделся по сторонам.— Хочешь, чтобы твоему псу хана пришла?

— Это как?

— А так. Иду я, а пес навстречу бежит. Тут из-за угла участковый выходит. Ловцов, говорит, надо вызвать: от собак проходу не стало. Я и сказал, что это моя собака и мы с ней гуляем. А он, мол, если гуляешь, то надо или с намордником, или на поводке. Хорошо, что у меня в кармане веревка была,— складно соврал парень.— Ну, я его взял на веревку и от греха подальше решил увести. А ты орать. Спасибо лучше бы сказал, что пса твоего спас.

— Спасибо,— проговорил мальчик.

— То-то. Весь свой завтрак на него перевел.— Он ткнул пальцем на валявшийся у ног пустой пакет.— Забирай и веди куда-нибудь подальше.

Людям свойственно предчувствовать надвигающуюся беду. Мальчик наотрез отказался идти с родителями, сказав, что плохо себя чувствует. Он все время выглядывал в окно, но Коричневого не было на месте возле обломанного куста сирени. Уже прошло полчаса, час, а пес не появлялся. Вслед за родителями, ушедшими в магазин, мальчик выбежал на улицу и кинулся в школьный двор. Коричневого не было и там. Он спрашивал прохожих, не видели ли они большую лохматую собаку. Нет, никто такую собаку не видел.

Коричневый сидел в это время в углу гаража на веревке, привязанной к толстому гвоздю, вбитому в пол. В гараже были сосед и незнакомый парень. На другом гвозде, вбитом в стену, висела старая керосиновая лампа.

— Не заорал бы?— произнес сосед.

— Пикнуть не успеет.

Он достал с полки топор с толстым обухом, прикинул в руке и поставил у ног, прислонив его к стене.

— Спереди приманивать будешь. А я сзади. Сосед кивнул.

Мальчик вернулся во двор. Возле куста было пусто. Он сел на скамейку, боясь подумать о том, что с Коричневым могло случиться несчастье.

Родители вернулись из магазина, и, вероятно, отец увидел сидящего на скамейке сына. Он вышел во двор.

— Ты что, сын?— спросил он.— Тебе плохо? Руки у мальчика дрожали, на лбу появилась испарина. Еще никогда отец не видел такого отрешенного, полного боли и страдания взгляда.

— Что случилось?

— Коричневый...— тихо проговорил мальчик.

Сосед и незнакомый все сильнее натягивали веревки, привязанные к ошейнику, прикручивали их к железным стойкам, поддерживающим полки. Растянутый ошейник душил собаку, удерживая ее в полуподвешенном состоянии. Она пыталась дотянуться передними лапами до пола и не могла. Коричневый вдруг понял, что это конец и сопротивляться бесполезно.

И тут мальчик вспомнил о гараже.

— Папа, он там. Идем!— Он вскочил со скамейки.

— Куда?— не понял отец.

— В гараж. Коричневый там, я точно знаю, он там. Бежим! Ты большой, сильный, ты должен спасти его. Я прошу тебя, папа.

Незнакомый взял топор и зашел за спину Коричневого.

— Мани!

— Здесь!— закричал мальчик и принялся что было сил колотить маленькими кулачками в металлическую обшивку двери.

— Здесь! Здесь!

За дверью было тихо. И эту тишину внезапно оборвал сдавленный, хриплый стон.

— Откройте!— настойчиво произнес отец.

Незнакомый первым понял, что произошло. Он схватил нож и со злостью полоснул по натянутым веревкам. Коричневый рухнул на пол.

— Последний раз говорю: откройте!

Звякнула задвижка. Отец рванул тяжелую дверь на себя.

Со стороны могло показаться, что пес просто отдыхает, положив голову на вытянутые вперед лапы. Несколько мгновений он лежал неподвижно. Его бока медленно расширялись, и наконец он глубоко и больно вздохнул. К нему медленно возвращалось сознание. Отец понял, что здесь должно было произойти. Его охватила ярость. Он подхватил топор и шагнул к соседу.

— Дядя, не надо!— отступил тот.— Дядя, это не я. Это он... Мы, мы только...

Незнакомый хотел было прошмыгнуть в распахнутую дверь, но отец схватил его за плечо и отшвырнул в дальний угол гаража.

— Подонки...

Его остановило только то, что заставляет человека оставаться человеком в самой нечеловеческой ситуации.

Мальчик стоял на коленях, держа в руках собачью морду.

— Коричневый, ты жив? Ты жив? Это я, это я, ты жив? Это я,— повторял мальчик.

Как после тяжелой болезни, пес с трудом поднялся с пола. Покачиваясь, он вышел из гаража и отошел в сторону.

— Идем, Коричневый,— проговорил мальчик и потянулся к собаке, чтобы расстегнуть ошейник. Пес сморщил нос и зарычал.

— Папа, он мне больше не верит, он не верит мне,— сквозь слезы говорил мальчик.

— Успокойся, он поверит.

Ноги мальчика стали мягкими и непослушными. Он сел на землю.

— Пойдем,— сказал отец.

— Я не могу идти,— со страхом ответил мальчик.

Отец взял сына на руки и зашагал к дому. Коричневый смотрел им вслед. Пес понимал, что с мальчиком, который был так добр с ним, случилось что-то нехорошее... Дойдя до подъезда, отец опустил мальчика на землю и обернулся. Коричневый стоял рядом.

— Пошли домой,— спокойно сказал отец и повернулся к двери. Большой и Сильный Человек повелевал. И Коричневый подчинился этой доброй воле.

ПОД ЗНАКОМ УПОРСТВА

Марк ТАЙМАНОВ, международный гроссмейстер, шахматный обозреватель «Огонька»

С тех пор, как погожим сентябрьским днем полные энергии и оптимизма, во всеоружии подготовки А. Карпов с Г. Каспаровым вступили в истинно титаническое единоборство, прошло уже долгих четыре с лишним месяца.

Осень сменилась зимой, теплынь — морозцем; черты анахронизма затронули эмблему матча, где непредусмотрительно был выгравирован лишь год 1984; отсчет партий перевалил на пятый десяток, а для подведения итогов время так и не подошло.

История шахмат не знала таких эпических состязаний. Побиты все рекорды продолжительности и упорства. Несмотря на внушительный перевес чемпиона мира, борьба продолжается с неослабеваемым напряжением. Более того, к творческим элементам соперничества теперь добавились проблемы психологической стойкости, выдержки, выносливости.

Дают о себе знать особенности безлимитного регламента, когда игра идет до шести побед, а ничьи не в счет. Прежде они как-то не ощущались. О матче Алехина с Капабланкой, где этот регламент был испытан впервые, судить трудно — тому уже более полувека. В Багио драматургия поединка оказалась настолько остросюжетной, что это заставило забыть (во всяком случае, любителей шахмат) обо всем остальном, а в Мерано чемпиону мира для выполнения требований формулы победы вообще оказалось достаточно 18 партий.

На этот раз издержки ощутимы... Стратегия неторопливого выжидания, прощупывания уязвимых сторон дебютной подготовки соперника, изыскания путей для достижения успеха «малой кровью», на которую провоцирует безлимитный матч, привели к беспрецедентной серии ничьих, среди

ПРОЩАНИЕ С ДРУГОМ

которых было, увы, немало и бесконфликтных. Это издержки творческие. Но не менее существенны и другие. Ведь каждая партия независимо от накала борьбы и продолжительности стоит сил, нервов, бессонных ночей... Вдумайтесь в значение этих сорока с лишним поединков. Сколько надежд, тревог, переживаний стоит за ними!

Вспоминаю свой самый изнурительный турнир в жизни. Это было в Цюрихе более тридцати лет назад на состязании претендентов на первенство мира. Играли 15 гроссмейстеров в два круга — всего 28 партий. И хотя, конечно же, значение того турнира несоизмеримо меньше по сравнению с нынешним матчем, но все участники — и те, кто боролся за первые места, и неудачники — к концу состязания буквально изнемогали от усталости. И мрачная шутка о том, что победу присудят гроссмейстеру, который к заключительному туру самостоятельно дойдет до турнирного помещения, была близка к истине...

Стоит ли удивляться тому, что в последних партиях и Карпову и Каспарову в решающие моменты игры порой попросту не хватает сил. Чем иным объяснить отказ от попыток чемпиона мира реализовать свое несомненное преимущество в 31-м поединке или непостижимые упущения претендента в 36-й и 40-й партиях, где до желанной победы было, что называется, «рукой подать»? Даже у таких молодых и сильных духом гроссмейстеров, как Карпов и Каспаров, стала возникать проблема «пятого часа», которая приходит обычно лишь с возрастом.

Справедливо ли подвергать таким испытаниям сильнейших шахматистов мира?

Наш читатель В. Л. Фартушный, 60-летний учитель из г. Верхнеднепровска, прислал в редакцию трогательное по заботливости письмо. «Талантливых людей надо беречь! — пишет он.— Несправедливо, что теперь чемпион мира находится в худших условиях, чем во время, когда действовала другая формула — матч из 24 партий и чемпиону достаточно было свести его вничью.

Как бы красиво это ни называли, «шахматный марафон», например, или как бы бодро и жизнерадостно ни звучали репортажи о матче, это, по существу, борьба на износ».

Мнение о необходимости реформ высказывают и иностранные шахматные эксперты, гостящие в эти дни в Москве. Вот что говорит член исполкома ФИДЕ, председатель апелляционного жюри матча Альфред Кинцель (Западный Берлин): «Что касается продолжительности встречи, которой в общем-то надо было ожидать, то для меня, в частности, совершенно ясно, что безлимитные матчи необходимо упразднить. Они обременительны не только для участников, но и для организаторов. Думаю, что проводить безлимитные матчи на должном уровне по силам лишь в такой стране, как ваша, где шахматы находятся на полном обеспечении государства и общественных организаций. И еще. Не будем забывать, что с этого года звание разыгрывается уже по новой системе...» По новой системе — значит, вместо привычного трехлетнего цикла борьбы за первенство мира теперь вводится двухгодичный, и время сжимается до предела. Не случайно накануне конгресса ФИДЕ в Салониках возникал парадоксальный вопрос: «Что будет с новым кандидатом на матч с чемпионом, если к моменту намеченного регламентом его поединка не закончится еще предыдущее единоборство на высшем уровне?..»

Но это проблемы будущего. А пока приходится только удивляться и восхищаться мужеством достойных соперников — Карпова и Каспарова,— которые даже в этих невероятно трудных обстоятельствах продолжают играть с предельной творческой отдачей, ответственностью и неистощимой выдумкой.

Отдадим должное и упорству претендента, после проигрыша пятой партии вот уже почти два месяца ведущего сражение, что называется, на краю обрыва, где он должен сочетать смелость с осторожностью. Будь фортуна к нему более благосклонной, а чемпион мира не столь цепким в защите, Каспаров мог в последних партиях добиться даже большего, чем только «очка престижа», которое он завоевал в 32-м поединке.

Словом, борьба продолжается, и накал ее не ослабевает.

Неожиданная, горькая утрата. Ушел из жизни Мкртич Корюн (Корюн Григорьевич Мкртчан) — известный армянский советский поэт, чьи «стихи с улыбкой» около 40 лет не сходили со страниц «Огонька».

В Армении его называли Варпетом, означающее — Мастер. Да, он был истинным мастером отшлифованных до блеска сатирических строк, пронизанных народной мудростью басен, современного осмысления фольклора. Но прежде всего он был гражданином. Рабочим-ткачом, комсомольским застрельщиком первой пятилетки. Рабфаковцем, а затем студентом предвоенной поры. Солдатом-коммунистом, защищавшим Кавказ в грозном 42-м. Педагогом, кандидатом филологии после войны. Он повторил общие для первого поколения нашей творческой интеллигенции жизненные вехи.

Мкртич Корюн — из той одержимой молодой плеяды, которую побудил взяться за перо призыв «Ударники — в литературу!». Первая книга его стихов вышла в 1932 году. Она же вручила ему делегатский мандат на I съезд советских писателей.

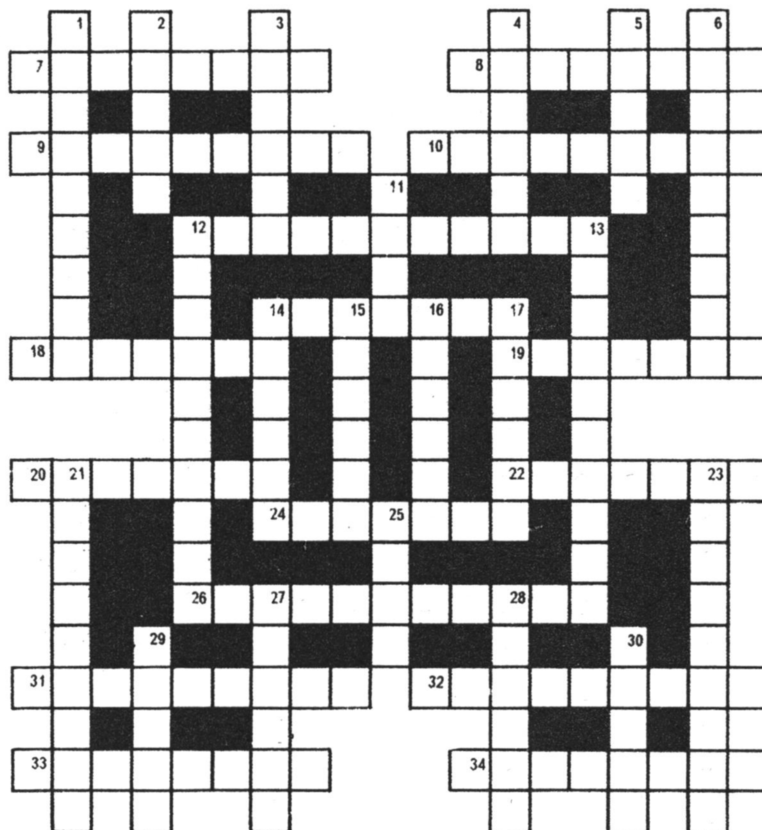
Литературный талант Корюна оборачивался к людям разными гранями. Мы знали его как переводчика (на родной язык) калмыцкого эпоса «Джангар», поэзии А. Навои, Т. Шевченко, И. Крылова, Н. Некрасова. Мы по достоинству оценили его историко-биографическую повесть о легендарном Камо. Его пьесы и стихи для малышей стали хрестоматийными. Но, думается, наиболее полно дар этого художника слова выплеснулся в жанре юмора и сатиры. Здесь Корюн снискал заслуженное, всесоюзное признание.

Но была работа, работа... Тружеником Мкртич был поистине удивительным. Скромный, невзыскательный к удобствам, он обладал неистощимой творческой энергией, много ездил по стране. Недаром три года назад, поздравляя Мкртича с семидесятилетием, мы озаглавили материал о нем — «Юбилей в рабочем порядке». Но сердце Мкртича Корюна остановилось, израсходовав свой ресурс.

Кончина большого писателя, каков бы ни был отпущен ему век, всегда преждевременна. Но остаются созданные им книги... Их более полуста, и в том числе две — изданные «Библиотекой «Огонек». И еще долго яркие, то пронизанные доброй иронией, то хлесткие строки Мкртича Корюна будут нужны и действенны.

ОГОНЬКОВЦЫ

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Писатель, лауреат Ленинской премии. 8. Прозрачная пленка, упаковочный материал. 9. Деталь стрелочных измерительных приборов. 10. Порода крупных собак. 12. Итальянский живописец периода Раннего Возрождения. 14. Река в Якутии. 18. Персонаж романа Л. Н. Толстого «Воскресение». 19. Журнал, издававшийся просветителем Н. И. Новиковым. 20. Народный артист СССР, выступающий в Московском театре сатиры. 22. Устройство для регулирования тока и напряжения в электрической цепи. 24. Животное семейства дельфиновых. 26. Город-герой. 31. Горная система в Центральной Азии. 32. Литовский композитор, дирижер, пианист, народный артист СССР. 33. Часть прибора для автоматического управления самолетом, кораблем, ракетой. 34. Химический элемент, металл.

По вертикали: 1. Шахматный ход. 2. Письменное приветствие юбиляру. 3. Столица демократической республики в Европе. 4. Луковичное растение, овощ. 5. Бубен, распространенный в Средней Азии. 6. Союзная советская республика. 11. Мужской парадный костюм. 12. Полуостров в Греции. 13. Замкнутая плоская кривая. 14. Рассказ М. Горького. 15. Декоративное растение, цветок. 16. Физиолог, академик, Герой Социалистического Труда. 17. Приток Нила. 21. Материк. 23. Приспособление организма к условиям существования. 25. Картина А. А. Пластова. 27. Русская мера длины. 28. Восторженные знаки одобрения. 29. Грамматическая категория глагола. 30. Спутник Марса.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали: 5. Кантеле. 6. Пшеница. 8. Волковыск. 10. Лазер. 11. Круиз. 12. Кросс. 14. Вишера. 15. Трепел. 16. Мимас. 17. Штрек. 21. Розина. 22. Кречет. 23. Горка. 24. Мотор. 26. Лиман. 27. Вычитание. 28. Экспорт. 29. Густера.

По вертикали: 1. Танзания. 2. Тенор. 3. Ленск. 4. Ацетилен. 7. «Хорошо!». 8. Веневитинов. 9. Краеведение. 12. Карадаг. 13. Статика. 18. Фонотека. 19. Ворота. 20. Метафора. 25. Рыжов. 26. Липси.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Турбинный цех Запорожской АЭС. (См. в номере материал «В одной турбине — Днепрогэс».)

Фото Н. Козловского

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Воскресный день на Ленинских горах.

Фото А. Бочинина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 29. 12. 84. Подписано к печати 15.01.85. А 00307. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 326. Заказ № 4001.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Большой театр, 8 января 1985 года.

МУЗА БАЛЕТА

Мы живем в XX веке, в нем каждый миг четко фиксируют всемогущие компьютеры, и, кажется, все меньше и меньше места остается на земле грезе и волшебству... К счастью, большое искусство отличает не сиюминутное присутствие художника в мире, а вечность его дарования, в котором звучит вчера, сегодня и завтра. В этом тайна истинных творцов, покоряющих рубежи времени. Может быть, поэтому так остро и зримо было чувство всепобедности гармонии, пластики, если хотите, магии искусства, которое как бы витало в самой атмосфере Большого театра и околдовало всех присутствующих на юбилее Галины Улановой.

...Сверкающий московский снег, свежий и искристый. Белые колонны, мерцающие театральные фонари. Все, все ласково и приветливо встречало гостей. Когда утихла праздничная суета, умолк многошумный зал, угасли люстры, возникла мажорная мелодия, и белые, белые лебеди выплыли на авансцену.

Белый лебедь — символ русского балета. Гордый образ нежности, верности и чистоты, извечно свойственных душе нашего народа.

Вдруг ослепительно яркий луч озарил золотую ложу. Одна, у спинки пустого кресла, стояла, скромно опустив светлую, светозарную голову, Галина Уланова. Ее окружали лишь ее любимые живые цветы.

По задумчивому лицу словно пробегали мерцающие блики воспоминаний, отсветы рампы...

Мне вдруг вспомнился Ленинград. Улица Росси. Белоколонное тепло этой дивной каменной красоты. Странное серебряно-розовое небо с летящими перьями облаков. Аромат далекой и близкой Невы. Мелодии белой ночи. Глухой звук бессонного фортепиано в окне-светлячке.

Здесь училась Галина Уланова.

...Долго, долго не утихала овация. Наконец медленно раскрылся златотканый занавес. Огромная сцена, и вокруг множество людей. Прославленный балет Большого. Вместе со зрителями они поздравляли первую балерину новой эры.

Главный балетмейстер Юрий Григорович сказал: «Сегодня Праздник. Мы чествуем гордость, славу русского, советского балета Галину Сергеевну Уланову. Сколько раз нас потрясала взволнованность и наэлектризованность зала, переполненного зрителями, пришедшими на встречу с любимой актрисой. Они ждали, ждали встречи с чудом... И это свершалось. Тысячи, тысячи людей видели живую Джульетту, Жизель, Одетту, Марию. Повторяю, это было истинное чудо. Галина Сергеевна — потомственная балерина. Ее мать Мария Федоровна и отец Сергей Николаевич Улановы были артистами Мариинского театра. Сама Галина Уланова прошла великолепную школу театра имени Кирова. Ее наставницей была знаменитая Агриппина Ваганова и другие прекрасные хореографы.

Галина Сергеевна танцевала во всех балетах, созданных Чайковским, исполняла заглавные роли в «Раймонде», «Жизели»... Это был тот фундамент классики, который позволил в дальнейшем создать новаторские образы, раскрыть все богатство ее души. Балетмейстеры Ростислав Захаров в «Бахчисарайском фонтане» и Леонид Лавровский в «Ромео и Джульетте» помогли Галине Улановой сотворить тончайшие по своей художественной правде и первозданности роли. В этих партиях как бы проявился синтез Жизели, Одетты, Джульетты, Марии. Об удивительной прозрачности гармонии улановского гения писали Алексей Толстой, Борис Пастернак, Юрий Завадский, Борис Асафьев, Сергей Прокофьев, Дмитрий Шостакович.

Творчество Улановой в тридцатых — сороковых годах получило воистину всенародное признание.

Известно, что во время Великой Отечественной войны солдаты одной из частей Красной Армии пронесли простреленную врагами фотографию улановского Лебедя через все страшные дороги войны вплоть до Дня Победы как знак красоты и добра России.

Когда балет Большого обрел мировую славу, в этом была громадная заслуга Улановой. Ведь каждый спектакль с ее участием вызывал подлинный триумф. Апофеозом ее творчества была Джульетта в балете Сергея Прокофьева «Ромео и Джульетта».

Весь мир, в том числе родина Вильяма Шекспира — Англия, был потрясен, ошеломлен великолепным прочтением одного из тончайших образов литературы планеты...

Настал срок. Уланова покинула сцену.

И тут произошло новое диво. Началась вторая жизнь Галины Сергеевны. Она стала отдавать свой бесценный опыт, знание, чувство такта и меры нам всем. Да, да. Мы все в какой-то степени являемся учениками Улановой, не говоря уже о тех балеринах и танцовщиках, которых она буквально выпестовала. Среди них народные артисты, ставшие знаменитыми...

Родина высоко оценила труд балерины. В Ленинграде на аллее Героев — бюст Улановой.

Впервые в мире скульптура советской балерины установлена в Стокгольме.

Уланова — избранница истории.

Мы все любим, ценим, восхищаемся этой поистине великой балериной и воспитателем молодежи... Многие, многие лета жизни и творчеству Галины Сергеевны. Она всегда с нами во славу нашего вечно юного искусства — советского балета...»

Галина Сергеевна в ответ на гром аплодисментов низко поклонилась всем — балету Большого театра и зрителям, чью неизменную любовь и уважение она чувствовала всегда.

Праздник увенчался «Лебединым озером», где в честь Галины Сергеевны роль Одетты-Одилии исполнила ее ученица Нина Семизорова.

В финале спектакля в глубине сцены возник сияющий символ Улановой-Лебедя. Он возник внезапно, как незабываемое ощущение прекрасного, которое входит в жизнь человека негаданно, навечно.

Овация, цветопад.

Бесконечные вызовы.

И снова цветы, цветы, цветы.

И вдруг сама Галина Сергеевна вышла, нет, впорхнула на сцену. С неподражаемой улановской невесомостью и грацией обошла, нет, облетела дважды многолюдное окружение своих друзей, коллег, учеников. Потом многократно, бессчетно выходила со всеми на поклон...

Это был триумф.

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

Фото В. Киселева и Ю. Роста

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

